Евгений Винокуров

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

ОНА

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1977

Евгений Винокуров

Она

Стихи
о
любви

Р2
В49

В $\frac{70402-034}{078(02)-77}$ 193—77

* * *

В семнадцать лет я не гулял по паркам,
В семнадцать лет на танцах не кружил,
В семнадцать лет цигарочным огарком
Я больше, чем любовью, дорожил.

В семнадцать лет средь тощих однолеток
Я шел, и бил мне в спину котелок.
И песня измерялась не в куплетах,
А в километрах пройденных дорог.

...А я бы мог быть нежен, смел и кроток,
Чтоб губы в губы, чтоб хрустел плетень!..

В семнадцать лет с измызганных обмоток
Мой начинался и кончался день.

ПЛАКАТ

Мать с младенцем, как для поединка,
Встала, негодуя и моля:
«Прочь! Не дам! Дитя мое! Кровинка!
Дитятко мое! Любовь моя!..»

...Видно, вечно, вздрогнув как от зова,
Вилы брать, хвататься за дубье,
Видно, вечно не любить чужого,
А любить в беспамятстве свое.

УСТА

И было нам тогда не до красот,
когда в лицо врезается осот,
а миномет тебя щекочет сверху,
или стремишься, —
чтоб не оплошал, —
ломая шею, словно на пожар,
несешься на вечернюю поверку.

И все-таки все это неспроста...
Нас тоже посещала красота,
когда,
валяясь под кустом ракиты,
куражишься, сменившийся с поста.
И деревенской девушки уста
с доверием к тебе полураскрыты...

БОЛЬ

Нас воспитала строгая эпоха,
Ей сетованья были не с руки.
Мой ямб пехотный приспособлен плохо
Для грусти, для признаний, для тоски.

Грусть по тебе меня сегодня гложет,
И я грущу, и в этом нет греха...

А боль моя все прозвенеть не может
Сквозь трубный ритм железного стиха.

НЕЗАБУДКИ

В шинельке драной,
Без обуток
Я помню в поле мертвеца.
Толпа кровавых незабудок
Стояла около лица.

Мертвец лежал недвижно,
Глядя,
Как медлил коршун вдалеке...

И было выколото
«Надя»
На обескровленной руке.

КСЕНИЯ

В комнату со шторами
Из пустых сеней,
Звонко звякнув шпорами,
Мы вхо́дили к ней.

Три шинели вешали
На гвозде в углу,
Сдержанны и вежливы,
Чинно шли к столу.

Била ночь осенняя
В стекла старых рам.
Сев напротив,
Ксения
Улыбалась нам.

Худенькая, славная.
На руку щекой, —
Шейка слишком слабая
Для косы такой!

За окном неистовый
Ветер выл во мгле,
А ему подсвистывал
Чайник на столе.

И за разговорами
О своем былом
Мы звенели шпорами
Глухо под столом.

Но без сожаления
Строго в первый час
До порога Ксения
Провожала нас.

Улыбалась, тонкая,
Сразу всем троим.
Хмуро шапки комкая,
Грустно постоим.

И минута тихая
Наступала тут,
Только слышно — тикая,
Ходики идут.

...Там, где ветер, рыская,
Роет бурелом,
Есть землянка низкая
В роще за селом.

Там, дымя махоркою,
Навалясь на стол,
Мрачно пили горькую
И смотрели в пол.

Там, как праздник празднуя,
От тоски люты,
Пели песни разные
Мы до хрипоты.

* * *

Что же, я любил тебя когда-то?!
...Оказалось: нет тебя милей!
Вот она, больничная палата, —
Ты меня возьми и пожалей...

Может, в этом глупость виновата!
Что ж тут слезы: лей или не лей!
Вот она, больничная палата, —
Ты меня возьми и пожалей...

Оказалось: не по средствам плата!
Я обжегся... Это от углей!..
Вот она, больничная палата,
Ты меня возьми и пожалей.

СИНЕВА

Меня в Полесье занесло.
За реками и за лесами
Там есть безвестное село —
Все с ясно-синими глазами.

С ведром босую у реки
Девчонку встретите на склоне.
Как голубые угольки,
Глаза ожгут из-под ладони.

В шинельке, —
видно, был солдат —
Мужчина возится в овине.
Окликни — он поднимет взгляд,
Исполненный глубокой сини.

Бредет старуха через льны
С грибной корзинкой и с клюкою.
И очи древние полны
Голубоватого покоя.

Пять у забора молодух,
Судачат, ахают, вздыхают...
Глаза — захватывает дух! —
Так синевой и полыхают.

Девчата.
Скромен их наряд.
Застенчивые чаровницы,
Зардевшись, синеву дарят,
Как драгоценность, сквозь ресницы.

ЛЮБИМЫЕ

Характер всех любимых одинаков!
Веселые, они вдруг загрустят,
Отревновав, отмучившись, отплакав,
Они угомонятся и простят.

Но лишь попробуй встретить их сурово,
Лишь руку осторожно отстрани,
Скажи: «Сейчас мне некогда!» — и снова
На целый день надуются они.

...Нет трогательней в мире беспорядка
Волос их длинных в тот рассветный час,
Когда они доверчиво и сладко
Спят, разметавшись на руке у нас.

Любимые! Когда мы уезжали,
Нас, юных, мешковатых и худых,
Они одни средь ночи провожали
По черным лужам в туфельках худых.

Мы строго шли вперед. Что нам, героям,
Смятенье их — дорога далека!
Они бежали за поющим строем,
Стирая слезы кончиком платка.

Они в ночи стояли вдоль перрона,
Рыдая, с непокрытой головой,

Пока фонарь последнего вагона
Не потухал за хмарью дождевой.

И в час, когда на тротуарах наледь
Возвышенных достойные судеб,
Они стояли, чтобы отоварить
Мукою серой карточки на хлеб.

И снилось нам в огне чужого края:
Их комнатка — два метра в ширину, —
Как, платье через голову снимая,
Они стоят, готовятся ко сну.

Любимых, как известно, не балуют —
Два-три письма за столько лет и зим!
Они прижмут к груди и зацелуют
Те десять строк, что мы напишем им.

Они в товарняках, по первопуткам
К нам добирались в тот далекий год.
С убогим узелком они по суткам
Толкались у казарменных ворот.

А часовой глядел на них сурово.
Любимые,
не зная про устав,
Молили их пустить и часового
В отчаянье хватали за рукав.

Они стоять могли бы так веками,
В платках тяжелых, в легких пальтецах,
От частых стирок с красными руками,
С любовью беспредельною в сердцах.

ОНА

Присядет есть, кусочек половиня,
Прикрикнет: «Ешь!» — Я сдался! Произвол!
Она гремит кастрюлями, богиня.
Читает книжку. Подметает пол.
Бредет босая, в мой пиджак одета.
Опа поет па кухне поутру.
Любовь? Да нет! Откуда?! Вряд ли это!
А просто так:
Уйдет. И я умру.

ВСТРЕЧА НА ВОКЗАЛЕ

На продпункте я ел
По последним талонам.
Вслед печально смотрел
И махал эшелонам.

Пил пустой кипяток
С населеньем вокзала.
Кружки три — не питок!
Больше трех не влезало.

С дальних, призрачных рощ
Ветра резкая сила
Листьев радужный дождь
На перрон заносила.

Я ходил взад-вперед.
Все мне было знакомо:
Жил дорожный народ
На перроне, как дома.

Рыжий парень с ножа
Кушал серое сало.
Ртом заколки держа,
Баба волос чесала.

Скучный полдень томил.
Сев со смазчиком рядом,

Я солидно дымил
Молодым самосадом.

Смех вдруг вспыхнул, звеня,
Как-то чисто и ломко:
Бросив взгляд на меня,
Мимо шла незнакомка.

Шла она стороной,
В неуклюжей, нескладной,
По колени длиной,
Грузной стеганке ватной.

Неуклюжий наряд,
Неуклюжа фигура.
Только синим был взгляд
Да коса белокура!

Я застыл сам не свой —
С сердцем не было слада, —
Под густой синевой
Горделивого взгляда.

Я хотел подойти,
Но проклятая робость
Пролегла на пути
Между нами как пропасть...

Вдалеке семафор,
Предвещая разлуку,
Как усталый актер,
Поднял горестно руку.

И под пляску колес,
Под колес переборы
Поезд грозно унес
Гору дыма в просторы.

Много минуло дней
С той поры, и не скрою,
Вспоминал я о ней
С затаенной тоскою.

Вспоминал,
крепким сном
Под кустом забываясь
И в полку запасном
Поутру обуваясь.

За обедом вдруг стук
Раздавался, бывало, —
Это ложка из рук
У меня выпадала...

* * *

Вдоль дороги березы стеною,
Беспокойны, легки и чисты.
Посадили их люди весною
От великой своей доброты...

Кто те люди? Их мир позабудет?
Где их дом? Где родные места?..

Пусть судьба их безвестная будет
Беспокойна, легка и чиста.

ТАНЦПЛОЩАДКА

Я был до танцев падок,
Я беззаботен был,
Дощатых танцплощадок
Я шум и гром любил.
Любил я,
                невесомо
Скользящий в полусне,
Чтобы танго истома
Струилась в сердце мне.
Любил,
            чтоб в громе бала
Бездумная кадриль
До неба вышибала
Из танцплощадки пыль!..
Тех славных в самом деле
Мне не забыть минут:
Здесь дерзко щеки рдели,
Сверкали взоры тут!
Здесь шелк богатый редок,
Здесь царствовал один
Всех красок, всех расцветок
Ликующий сатин.
Под лампой в шуме кленов
Летели вечера...
О, взглядов и поклонов
Старинная игра!
Порхала пылко полька,

Гремел мазурки шквал.
Кассир безрукий бойко
Билеты продавал.
Звенели лихо шпоры,
Когда неслись с душой
Под сорок лет майоры
С одышкой небольшой.
И в грохоте фокстрота
Бил в нос с пяти шагов
Дух гуталина, пота,
Помады и духов.
Смешного были плана
Истории подчас:
Иной верзила спьяна
Пойти пытался в пляс.
Пил прямо из бутыли
И делал кренделя,
Пока не выводили
Два грозных патруля.
Блистали в косах блестки,
Летало конфетти...
Входи же на подмостки,
Лишь трешку заплати!
Здесь флейта томно пела,
Труба впадала в крик...

Здесь юность пролетела
Моя как краткий миг.

* * *

Письмо не найдет адресата!..
Училищу низкий поклон!
Упала на плечи курсанта
звезда офицерских погон.

Старшинские где вы попреки?
Мечта о величье в душе!..
Неужели на пищеблоке
нам всем не дневалить уже?

Нас ждет фронтовая удача!
Мы роту подымем на дот!..

...И десятиклассница, плача,
напрасно к воротам придет.

* * *

Вот я на карточке старой
Стою, подбоченившись, в раме...
Безусый, семнадцатилетний,
Крест-накрест обвитый ремнями.
Стою, опираясь на саблю.
Уж больно я грозен, ей-богу!
Я на ухо сдвинул фуражку
И выставил правую ногу.
Сейчас я признаюсь открыто,
Что с помощью лести и спора
На час ту нелепую саблю
Выпросил я у каптера.
Фуражка тоже чужая:
Одолжена политкомом...
Я снимки заклеил в конверты
И разослал по знакомым.
Знакомые долго смеялись
В глубинах далекого тыла...

И только одна лишь девчонка
На снимок слезу уронила.

ВОЛЯ

Что ж, надо постепенно приучаться
не уходить от повседневных дел...
Удел отца иль просто домочадца
на свете самый праведный удел!

Среди семейства восседай, как турок...
Но за продуктами пойдешь, и вот
какой-нибудь затейливый проулок
тебя к реке дымящей подведет...

И, как юнец,
что в этот час не в школе,
стоишь с кошелкой рыжих бураков,
почуяв тайный голос дикой воли
от ветра, от реки, от облаков.

ОБОИ

Забудем ли обои,
что, ведь не без труда,
придирчиво с тобою
мы выбрали тогда?..

Теперь такие редки,
немодные чуток:
внутри лиловой клетки
голубенький цветок!

Каморка — как каюта,
и вот приятно мне
от милого уюта,
от клеток на стене.

...К чему теперь вопросы?..

Сморкаешься в платок,
и видится сквозь слезы
тот голубой цветок.

ЛАСТОЧКА

То под облако, а то низко-низко
над землею проходит она...
Я-то знаю всю меру риска:
мне была высота дана!
Ну так что же теперь я стòю?
Коль не был, когда надо, смел
и счастливою высотою
я воспользоваться не сумел?..
Я стою себе, тих и кроток:
«Что же, прошлого не вороши!»
И смотрю, задрав подбородок,
на безумные виражи.

МОЯ ЛЮБИМАЯ СТИРАЛА

Моя любимая стирала,
Ходили плечи у нее,
Худые руки простирала,
Сырое вешая белье.

Искала крохотный обмылок,
А он был у нее в руках,
Как жалок был ее затылок
В смешных и нежных завитках!

Моя любимая стирала.
Чтоб пеной лба не замарать,
Неловко, локтем, убирала
На лоб спустившуюся прядь.

То, плечи опустив, родная
Смотрела в забытьи в окно,
То пела тоненько, не зная,
Что я слежу за ней давно.

Заката древние красоты
Стояли в глубине окна,
От мыла, щелока и соды
В досаде щурилась она.

Прекрасней нет на целом свете —
Все города пройди подряд! —
Чем руки худенькие эти,
Чем этот грустный-грустный взгляд.

* * *

Снизойди к тоске простертых дланей
и, как повелося на Руси,
упаси от разочарований,
от пустынь полночных упаси,
упаси, прошу, ее от сглаза,
ту, что тоньше трепетной свечи,
упаси от стонущего гласа
плакальщицы в пламенной ночи!..
Помоги и в миг, коль по примете
ей глаза прикроют пятаки!
Даже если нет тебя на свете,
все равно, прошу я, помоги!..

* * *

Какая это канитель,
Что день идет за днем!
Как поезд движется в тоннель,
Так в старость мы войдем.

Где прежних дней моих друзья?
Ночь. Город спит на треть.
Вдвоем с дружком уж нам нельзя
Средь города запеть!

...Вон женщины сидят, склоня
Прически. Брошу взгляд.
Опустят книги. Сквозь меня
Куда-то вдаль глядят...

Видать, заколдовал колдун:
Другим каким-то стал.
Ведь я-то знаю, что я — юн!
Им кажется — что стар.

Я словно в сказке мальчик тот:
По-карличьи сипя,
Не знает он, что нос растет,
Не видит он себя.

Но я склонюсь однажды вдруг
Над гладью ручейка

И в зыбком зеркале меж рук
Увижу старика.

Какие могут быть смешки?
Уж тут не до острот:
Подглазий дряблые мешки,
Полубеззубый рот.

Я словно ото сна восстал.
Я перешел межу!
— Я стар! Я стар! Я стар! Я стар! —
Я в ужасе скажу.

И выкину тогда мечту
Навек из головы,
Что запою я в высоту
Среди ночной Москвы.

И уж не буду больше ждать
До гробового дня,
Что женщина откинет прядь
И глянет на меня.

* * *

Вот женщины идут толпой

Я понял, что воскресну,
когда меж ними и тобой
я обнаружил бездну.

А разница-то велика!
О сходстве нет и речи,
хоть те же руки, и бока,
и локоны, и плечи,

хоть любишь так же шить, поя,
иль в дождь брести уныло...

...Тогда единственность твоя
тебя мне осветила!

* * *

Вот меня отпустили заботы
посредине июньского дня.
Ощущение тихой свободы
посетило сегодня меня...
Слышал я: где-то птицы пропели!..
От святой пустоты бестолков,
словно небо увидел в пробеле
расступившихся вдруг облаков.
А всего-то пустячное дело!..
Я под небом до вечера был.
Просто память моя отлетела...
Просто я свою жизнь позабыл.

АФРОДИТА

Спешат машины деловито,
бежит прохожий по делам...

...Глядит покойно Афродита
на человеческий бедлам.

Тут есть такие помещенья,
не где-нибудь, не в стороне,
холодный ужас отвращенья
там пробегает по спине.
Там вспышки блицев моментальны!
Пустые бездны без прикрас!
Пред целым залом тайну тайны
там обнажают напоказ.
Весь атлас мировых пороков,
в котором непотребства суть,
в густой испарине порнограф
спешит пред миром распахнуть!
Нет заповедного отныне!
Печальный половой парад!..

Воловии глаза богини,
не видя пред собой, глядят...

ЦИНИК

Худой малец в линялом свитере
Надвинул на глаза берет.
И где-то там, внизу, в юпитере,
Беснуясь, заблистал балет.
За одурманенной Одеттою,
Выделывающей в небе па,
Летит толпа полуодетая,
От света бьющего слепа.
Малец, как карлик в заточении.
Он циник: верит только в свет.
Он знает: дело в освещении.
Вынь штепсель — и Одетты нет.

НЕМОЕ КИНО

Рты открывают важно, словно рыбы,
Герои фильма. Не идут — бегут.
Истерлась лента старая. Разрывы.
Включают свет на несколько минут.

Кино немое. Здесь победа жеста.
Неистовство трагического рта!
Как он кричит! Похищена невеста.
Фиакр. По грязи тянется фата...

Не надо слов. Как лента, стерто слово.
Меня трясет в безмолвье синема.
У сильных чувств молчание основа.
Страданье немо. Музыка нема.

ПРОСТОТА

Был мир пред нами обнажен,
Как жуткий быт семьи в бараке
Иль как холодный, из ножон,
Нож, оголяемый для драки.

Еда и женщина!.. Сняты
Покровы с жизни. В резком свете
Мир прост! Ужасней простоты
Нет ничего на этом свете.
Мы шли. Дорога далека!
Держались мы тогда непрочной
Мгновенной сложности цветка
И синей звездочки полночной.

* * *

Когда уходит женщина, скажи:
«Не уходи!» И задержать попробуй.
На плечи смело руки положи.
Она их сбросит тотчас же со злобой.
Когда уходит женщина: «Молю!
Куда? Скажи, куда ты?» Без ответа
Посмотрит лишь. Сквозь зубы: «Не люблю!» —
Произнесет. Что возразишь на это?
Когда уходит женщина, вперед
Зайди! Она и не поднимет взгляда!
Когда ж уйдет, то, свесившись в пролет,
Кричать: «Прошу! Вернись!» — уже не надо...

* * *

Смеялась женщина. И смех ее звучал
В каморке, в блиндаже, в купе вагона.
Его сквозь сон я смутно различал
За стенкою средь гомона и звона.
О золото! Его мне мир дарил
В теплушке. На поляне. На пароме.
Смотри: на стадионе, у перил
Вон женщина хохочет и в истоме
Уж падает почти! Смеется! Силы нет!
До слез, в изнеможенье, на пределе.
Руками только машет. И в ответ
Нельзя не улыбнуться в самом деле.
В метро. На танцах. На плотах. В кино.
Мелькали страны, лица. Все сменялось...
А я хотел бы только лишь одно, —
Чтоб шли года,
чтоб женщина смеялась.

КОГДА-НИБУДЬ

Когда-нибудь, однажды, в гастрономе
Я выбью сыра двести грамм и, руку
Протягивая с чеком продавщице,
Увижу вдруг, что рядом — это ты.

Я руку с чеком опущу. В сторонку
Мы к кассе тут же отойдем и будем
О том, о сем, о пятом, о десятом
Средь толчеи негромко говорить.

И ты заметишь, что давно не брита
Седая на щеках моих щетина,
Что пуговица кое-как пришита
И обмахрились рукава пальто.

Я ж про себя отмечу, что запали
Глаза твои, что неказиста шляпка
С тряпичной маргариткой и что зонтик
Давно пора отдать бы починить.

Простимся. И когда в толпе исчезнешь,
Мне вслед тебе захочется вдруг крикнуть,
Что разошлись, ей-богу же, напрасно
С тобой мы тридцать лет тому назад.

* * *

Когда мои друзья сойдутся за столом,
Внимаешь ты, пристроясь робко с края,
Беседам о грядущем, о былом,
О настоящем,
блюдца вытирая.
Они философы, мои друзья!
Подчас, когда, обрушась друг на друга,
Они кричат, сарказмами разя,
Ты в кулачок зевнешь, моя подруга.
И вижу я по выраженью глаз
И по улыбке, что скользнуть готова:
«Пускай кричат. Они уйдут сейчас.
И мы с тобою вместе будем снова».

* * *

Мне не сойти с привычной колеи...
Чтоб дать мне пить,
встает в одной рубахе
Та женщина, что знает все мои
Безумия, сомнения и страхи.
К стакану губы я во тьме тяну.
И сплю. Но одеяла край бросая
На пол,
я вновь зову ее. Одну.
И вновь ко мне она идет босая.
Кричу. Но засыпаю и во сне
Поймать опять хочу обрывок нити...
Она одна все знает обо мне,
Коль надо будет что —
ее спросите.

* * *

Мне далеко еще с полком идти,
Пыль поднимая, с трав сбивая росы,
И может быть, когда-нибудь в пути
Меня любовь внезапная подкосит.

Звездастой ночью, темной, ветровой,
Огонь тревожный растоплю корою,
Сниму шинель, оденусь с головой
И глаз до света так и не закрою.

И все пройдет.
А утром встану в строй
На место прежнее, второе с краю,
И вместе с ротой гулкою порой
Под свист и топот песню заиграю...

Лишь через годы, вечером, во мгле,
Я другу тайну невзначай открою —
О той, что видел как-то раз в селе
И что еще не позабыта мною.

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

Нет, не только все время ветер зловещий,
Нет, не только пожаров коричневый цвет, —
В мире были такие хорошие вещи,
Как, например, восемнадцать лет.

Как, например, очень темные ночи,
Очень грустные песни,
кустарник в росе,
На котором весна узелочки почек
Завязала затем, чтобы помнили все...

Но о чем же нам помнить?
У нас ведь с собою
Все, что надо для юности,
здесь вот, у ног:
Километр дороги до первого боя,
У плеча в вещмешке на неделю паек!

Но однажды, особенно вечером,
в мае,
Бородатый солдат под смолистый дымок
У костра, на досуге шинель зашивая,
Про любовь рассказал нам нескладно, как мог...

ДАЙТЕ ПОЛНОЧЬ

Дайте полночь с луною в мои осторожные руки,
Чтоб шумела широкой и мокрой сиренью.
Я не трону ее, только в шумы и звуки
Аккуратно проставлю кой-где ударенья...

Дайте плотные ливни и молнии мая,
Закоулки лесные и даль заревую.
Я листа не сомну, стебелька не сломаю,
Только шелесты трав и берез зарифмую...

Дайте полные неба речные затоны
В острых искорках звезд, и откосы крутые.
Я в полях предвечерних травинки не трону,
Лишь, волнуясь, помечу кой-где запятые...

КУПАНИЕ ДЕТЕЙ

По четвергам — купание детей.
Раздолье им, хохочущим и голым!
Жена согнулась — руки до локтей
Обнажены —
с подоткнутым подолом.

Бушуют дети. Их мочалкой трут.
Жена устало спину распрямила.
...Сидят в пару. И плеск. И писк! Но тут
Завыли вдруг: в глаза попало мыло.

На них с водой обрушивают таз.
Молчат. Глаза закрыты волосами...
Жена кричит: — А ну без выкрутас!
Кончайте мыться! Одевайтесь сами!
Да не простыть! Не могут без возни!..

Нагнулась властно с тряпкой половою.
...К постелям нагишом бегут они,
Накрывшись простынями с головою.

ПРОВАЛ

Кому пожалуешься, мол, болит в боку?
Да некому! Иди ищи по свету...

Напрасно темной улицей бегу
К себе домой. Там никого-то нету!

А ведь совсем не так еще давно
Она мне дверь со смехом открывала!..

Весь дом в огнях! Лишь там, где быть должно
Мое окно, — там чернота провала.

* * *

Книга жалоб в каждом магазине.
Требуйте, ее должны подать!..

Предлагаю вечности: отныне
Завести подобную тетрадь,

Чтоб о боли люди не молчали,
И тогда-то на вселенский суд
Все свои обиды и печали
Люди осторожно понесут...

Как тогда б, я знаю, поразила
Надпись в полстроки из-под пера
Женщины, что, павши на перила,
Ночью в парке плакала вчера.

* * *

Звериное тепло домашнего уюта...
А комната — как будто бы каюта!

И кажется, качается диван.
Жизнь за окном — великий океан!

А комната? Ее несет куда-то,
На стенке календарь — какая нынче дата?

А комната? Среди скитаний — стан!
По звездам держим путь. Вверх подыми секстан!..

Свисают простыни. Нестойкий привкус чада.
И ползает дитя. Трясет гремушкой. Чадо!

За стенкой холода. Но ход необратим —
И потому вперед куда-то мы летим.

Дитя бубнит во сне. И пар от молока...
Проносятся в окне со свистом облака!

СЕРЕБРЯНЫЙ БОР

Когда мне вдруг захочется увидеть сразу весь мир —
Я закрываю глаза.

В детстве, наморщив лоб, я бродил по Серебряному бору.
Надо мной скрипящие сосны, раскачиваясь,
С трудом размешивали кронами белесоватое небо.
Я удивлялся, когда в ответ на брошенный камень
В пруду раздавался всплеск.
О великий закон, по которому
Следствие непременно вытекает из причины!
Я утвердился в нем за несколько десятилетий
Своей жизни.

Я спокоен. Все правильно. Цепь прочна.

Но почему, когда я закрываю глаза,
Я вижу весь мир?

КРАСОТА

В. Бокову

На небо взглянешь —
Звезд весенних тыщи!
Что юности в блескучей высоте?!
Но яростнее, чем потребность в пище,
Была у нас потребность в красоте.

Нам красота давалась понемножку...
По вечерам, когда шумел привал,
Сапожник ротный, мучая гармошку,
Ее для нас упорно добывал.

Она была минутной и неброской.
Мелькнет — и нет: под утро вдалеке,
На горке — стеариновой березкой,
В ночи — луной, раздробленной в реке.

А то бывало: осень, вязнут танки,
И чад, и гарь — и вдруг она возьмет
И чистым взором познанской крестьянки
Из-под руки, лукавая, сверкнет.

КРОВЬ

В этой жидкости красной,
Что в жилах несет человек,
Нрав такой же опасный,
Как нрав у порожистых рек.

То течет понемногу,
Тогда это, впрочем, не в счет,
То, взрывая дорогу,
Могучие камни влечет.

Слышу я, засыпая,
Как точно стучит под виском,
Бродит жидкость слепая,
Скитается в теле людском.

Оцарапай —
    и выйдет,
Чуть-чуть вязковата, тепла.
В ней и в лупу увидеть
Нельзя ни добра и ни зла.

Власть имеет такую:
На сердце нежданно плеснет —
И подросток, ликуя,
На страшный идет эшафот!

Не она ли бросала
Любовников бедных со скал?

Не она ли спасала
Лодчонку, попавшую в шквал?

И совсем не водою,
А с давних времен до сих пор
Только ею одною
Смывается черный позор.

Жидкость бродит по трассам,
Подземною силой сильна.
То, что вытерпит разум,
Не стерпит, пылая, она.

Слышу я, замирая,
По долгим ночам, в тишине,
В край угрюмо из края
Она где-то бродит во мне.

Кто с ней, буйною, сладит?
Кутил, бунтовал и страдал
Отдаленный мой прадед,
Он мне свою кровь передал.

Упрекнуть его не в чем —
Сквозь жизнь он прошел прямиком.
Был бродягой, и певчим,
И в Сальских степях ямщиком.

Он вставал над упряжкой
И свистом округу пугал.
Он кричал и с оттяжкой
Вожжами коней обжигал.

Он плевал на ладони
И в темень хлестал наугад...

До сих пор еще кони
В крови моей где-то летят!

Кровь по жилам по тонким
Моя гуляет, а там
Отдаленным потомкам
Ее я в свой срок передам.

УГОЛЬ

В работе не жалея сил,
Веселою весной
Я уголь блещущий грузил
На станции одной.

А было мне семнадцать лет,
Служил я в артполку,
Я в легкий ватник был одет,
Прожженный на боку.

Я целый день лопатой скреб,
Я греб, углем пыля.
И были черными мой лоб
И щеки от угля.

Я запахом угля пропах,
Не говорил, не пел,
Лишь уголь мелкий на зубах
Пронзительно скрипел.

Когда ж обедал иль когда
Я чай из банки пил,
То черною была вода
И сахар черным был.

С лицом чумазым, средь трудов
Я рад был той весне.

Но девушки из поездов
Не улыбались мне.

А я стоял у полотна
И вслед смотрел с тоской.
Я так хотел, чтоб хоть одна
Махнула мне рукой!

Вдаль улетали поезда,
Как в фильме иль во сне.
Мелькнут, и только и следа —
Дымок на полотне.

Хотелось крикнуть что есть сил:
— Постойте, поезда!
Постойте! Я ведь не любил
На свете никогда!

ТРАВА

Весною новой новая трава
Не знает ничего о прошлогодней.
Ей память для чего? Она жива, —
Ей хорошо без прошлого, свободней.
А мне-то как: забрел в дремучий лес
Воспоминаний и не выйду к свету...
Мир прошлого! Да он давно исчез!
Его давно на самом деле нету!
Был, да пропал, подобно миражу.
Прошло с тех пор уж лет пятнадцать этак.
А я брожу в густом лесу, брожу
С рубцами на лице от бьющих веток.

ЖЕНЩИНА НА БЕРЕГУ

Тело твое — ты спишь! —
Раскрылось. Песку нанесло...
Кругло оно, как голыш.
Гладко оно, как стекло.

Белый таит покров
Будто бы дальний свет,
Нет у него углов,
Ломаных линий нет.

Все ж не годится — по мне —
Так раскрываться днем!..
...Ты ж разметалась во сне
И позабыла о нем.

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Однообразный, однозвучный,
как на основе ткацкой нить,
быт... Я фантастикой научной
хочу себя воспламенить!

Подай мне факт,
к чему мне фактик?
Дай факт,
чтоб он меня потряс!

Хочу я верить:
из галактик
уже сигналы ищут нас!..

Безмерной тайной мировою
слепящий потрясет болид...

...А сердце болью бытовою
тихонько пусть себе
болит.

ПАРК

Платья пошила —
ах, больно уж марки! —
Весна-мамаша черемухам-дочерям...
Это было в высоком провинциальном парке,
Где играет оркестр по вечерам.
Там лохматые сосны с липами спелись,
И у кленов размашистых масса причуд.
Там кружат офицеры —
какая прелесть! —
С девушками, склонившимися к плечу.
И там, в глубине, у самого края,
Где забор накренился, парк окаймя,
Была у меня одна —
эх, дорогая! —
Со вздохом мной вспоминаемая скамья.
Там перекрашивались синею мастью
Косы в русалочьи наяву.
Там было немного — помню! — настоящего счастья
И немного вальса, проникшего сквозь листву.
Сейчас там осень. Валежник. Галки.
Не вчера это было и не позавчера!..
...Это было в высоком провинциальном парке,
Где играет оркестр по вечерам.

УЛЫБКА СФИНКСА

Уже я с тайной мира свыкся,
живу легко день изо дня.
И потому загадка сфинкса
уже не мучает меня.

Но видел раз, как деловито
у храма охраняла дверь
изваянная из гранита
то ль женщина, а то ли зверь.

Я был захвачен вечной спешкой.
Дал мелочь продавцу газет...
...Но странною полуусмешкой
я все же был тогда задет.

Бомбей

* * *

Жизнь у него, однако, неплохая...
Там за оградой, где по остриям
Вверх вьется плющ, в шелку лежит, вдыхая
Пунцовые цветы,
Омар Хайям.

Уста сравнить ли в сотый раз с рубином,
Иль, уж ни с чем не сравнивая впредь,
Полузакрытым взглядом ястребиным
На медлящую женщину смотреть?..

В цветном дворце средь страшных наслаждений,
Где вечен сон, а человек что вошь,
Чего ты хочешь, отвечай мне, гений?
Чему ты учишь и куда зовешь?..

И он ответит: жизнь сплошная му́ка.
Так надо, смерти чуя немоту,
Есть только сласти и как в бочке муха
Почить навеки в золотом меду.

* * *

И вот я возникаю у порога...
Меня здесь не считают за пророка!
Я здесь как все. Хоть на меня втроем
Во все глаза глядят они, однако
Особого провидческого знака
Не могут разглядеть на лбу моем.

Они так беспощадны к преступленью!
Здесь кто-то, помню, мучился мигренью?
— Достал таблетки?! Выкупил заказ?
— Да разве просьба та осталась в силе?..
— Да мы тебя батон купить просили!
Отправил письма? Заплатил за газ?..

И я молчу. Что отвечать — не знаю.
То, что посеял, то и пожинаю.
А борщ стоит. Дымит еще, манящ!..
Но я прощен! Я отдаюсь веселью!

Ведь где-то там оставил я за дверью
Котомку, посох и багряный плащ.

МОРОЗ НА УРАЛЕ

Был в детстве день. Дымящийся мороз,
Оранжевое солнце из-за леса
Да иней металлических полос
На розвальнях, лежащих у навеса...

А я не знал, что это все всерьез!
И полоз я лизнул без интереса,
Так как-то просто. И язык прирос
Вдруг намертво к поверхности железа...

Его я с болью, с мясом отодрал...

Мне часто вспоминается Урал.
Себя я помню плачущим, чумазым...
С тех пор я прожил жизнь уже почти.

Ты сердцем только, друг, не прирасти.
Ведь отдирать-то будешь с болью, с мясом.

ПАМЯТЬ

Ее когда-то звали Мнемозина*
И поклонялись ей. На мой же взгляд,
Она ведь просто вроде магазина
Универсального
                    или, вернее, склад,
Где весело навалены на полки
События за многие года.
И кажется, того гляди подпорки
Не выдержат и рухнут — и тогда
Как я в поднявшейся неразберихе,
В том хаосе ночном, как в том аду,
Облупленный твой домик на Плющихе,
В нем комнату, а в ней тебя найду?
Тьма беспросветна вечности. Найду ли,
Хлебнув забвенья из ночной реки:
Испуг во сне, и лифчик твой на стуле,
И две
        ко мне протянутых
                                руки?

---

* *Мнемозина — по-древнегречески «память».*

МОЛОДОСТЬ

Что молодость — экое дело?
Прошла, хоть мила не мила!
Ты черное платье надела,
Ты белое платье сняла.

А мне-то вот как разобраться
В себе, ты сама посуди:
Я только лишь стал оперяться —
А молодость позади!

Так что же, прошло то, что снилось?
И вспомнить уже недосуг?
Осталась лишь детская хилость
Уныло опущенных рук.
Так что же, ушло то, что пелось?
Осталась какая-то муть.
Да детская неумелость
Пуговицу застегнуть.
Так что же, все то, что хотели,
Вот так-то и не сбылось?
Ломота какая-то в теле
Да боль под лопаткой насквозь.
Так что же, не значит ли — баста?
Тревожить по пустякам?
И значит, осталось: лекарство,
Сощурившись, капать в стакан.

И все ж я о чем-то гадаю,
Не успокоюсь на том,
Я молодость жадно глотаю
Соленым от сухости ртом.

Так что ж: я играю без правил,
И, значит, назад осади!
Я крылья еще не расправил —
А молодость позади.

ЖЕНОТДЕЛ И ДОМОСТРОЙ

Не от любви ль погибла Троя?
У мира, знать, такой удел...

Час пробил. Против Домостроя
Тогда поднялся Женотдел.

Пошла чесать с трибуны гладко:
«В обиду не дадим себя!» —
В платочке красном делегатка,
Рукою по-мужски рубя.

Оплот всех жен, и тещ, и дочек,
Он был организован, штаб,
Из девочек в косичках тощих
И из широкоспинных баб.

«Мы сами себе власти, знамо...»
Да это ж явный перехлест!
Но женщина воздвигла знамя
Свободы, вставши во весь рост.

Кухарку, няньку и сиделку
Ты заменяла, трепеща...
И вот швыряет муж тарелку
Пересоленного борща.

Но где ж вы, римские весталки,
Хранительницы очага?..
«А тех, кто будет ставить палки
В колеса, отведем в Чека!»

Да разве выдержать устоям,
Когда вовсю орет плакат:
«До основания разроем
Патриархальности уклад!»

Кричат толпою краснолицей
На всех собраньях: «Не хотим
Закрепощающих традиций!
Долой перину и интим!»

«Наш автодор! Мы к солнцу рулим!
Как путь наш нов! И как он прям!»
«Война корытам и кастрюлям
И молью траченным коврам!»

И, мигом расплюясь с уютом,
Одна, без своего угла,
Ты любишь прыгать с парашютом
И рубишь наотмашь с седла!

Или вселился в них бесенок?
Кто знает? Уже не сам ли бес?..

...Идут когорты амазонок
С винтовками наперевес.
Им заниматься пустяками?
Им ли сгибаться у корыт?
Им ли ворочать утюгами,
Когда пред ними мир открыт?
Они родились, — разве слабы? —
Для кочерги и для валька...

Стоят расставив ноги бабы
И руки уперев в бока.
По локти им въедался щелок,
Был день их трудный бестолков.
Они родились для светелок,
Завалинок и теремков.
Они знавали тайный трепет...
И, как горшечник в две руки
Сырую глину мнет и лепит,
Их мяли ночью мужики.
И, жребием довольны малым:
«Да кто же мы такие, чать?!»,
Могли по сельским ритуалам
Где вставить слово, где смолчать.
Они слезали с сеновала
И нагибались до жнивья.
Зато им веки закрывала
Большая, дружная семья...

...Хоронит брата Антигона.
В домашних сложностях Эдип...
«Хочу развода! Нет закона!
Что? Муж? Так он отсталый тип!»

И, осенепные веками,
Трещат опоры. Где же щит?
И муж лишь разведет руками,
Затылок поскребет. Смолчит.

А если вы в быту увязли
И если в чувствах кутерьма,
Пожалуйста: детсады, ясли,
Приюты, детские дома.

Не умирать же как собаке
Мужчине злым холостяком, —

Как быть? Он обращался к свахе
В тяжелом случае таком.

И сваха тянет чай с печеньем...
«Да, милый, все теперь не так!
Все рухнуло. И уж священным
Отныне не зовется брак».

А где же ты, невеста-плакса?..
Освобожденные от пут,
Жених с невестою из загса
Как два товарища идут.

Так дай права им, дай им почесть!..
...В углу музея неспроста,
Как знамя посрамленных полчищ,
Забытая висит фата.

* * *

Стоят под мокрым снегом, скисли
с авоськами... Что ж, быт как быт!

...Но женщина в высоком смысле
в веках незыблемо стоит!

И в юности,
в поту трамвая,
ты захолонешь всем нутром,
когда, билетик отрывая,
заденет женщина бедром...

Она стоит, как страж, на пляже...
...Но и в дому,
чуть-чуть грузна,
она мила бывает даже
и непричесанной со сна...

МЕНЕСТРЕЛЬ

Да, видно, есть потребность в менестреле...

Вот, крошечный, он вышел на панели
Гигантских европейских городов...
Вот он, один, идет упорно к цели,
Чтобы предать проклятью культ постели!
Средь этих толп он виден еле-еле...

И он затрубит — скоро — он готов!

* * *

Давно люблю обычные слова,
Которыми на улицах толкуют,
Не те, которыми тетерева
Красиво, но бессмысленно токуют.
«Как жизнь?» — «Болел». — «Так ты, брат,
заходи». —
«Спасибо, дорогой!» — «До скорой встречи!..»

Ведь глубину, лишь только захоти,
Ты обнаружишь вдруг в обычной речи.

Слова, что до оскомины просты,
Вдруг полоснут с неслыханною силой:
«Я слушаю. Алло! А, это ты.
Да, суп стоит. Я ожидаю, милый».

МЫ БЫЛИ МОЛОДЫМИ

Молодыми бывали
И мы. «Все на свете пустяк!»
Уходя, забывали
Калоши, бывая в гостях.
Танцевали кадрили,
Мазурку и па-де-труа...
«Толковать» выходили,
Снимая часы, за дрова.

Молодыми бывали.
Певали подчас тенорком.
И цветы обрывали
Ночами с газонов тайком.
Был наш взор независим.
Не думали нравиться всем!..
И родителям писем
Почти не писали совсем.

Молодыми бывали.
И, громко стуча не со зла,
Мы подчас забивали
По суткам в «очко» и в «козла».

Нам бы точку опоры!
Но где ж ее взять молодым?
Дым и споры и споры,
Все споры и споры и... дым.

Молодыми бывали.
Мы жили, вдруг скиснувши, но
Вдруг искрясь, как в бокале
Искрится при лампе вино.
Юность, право ж, всеядна,
И жизнь нам казалась мила...
Очень было приятно
Поглядывать нам в зеркала.

Молодыми бывали.
И в те озорные года
Правду-матку рубали!
Ну... правда, не так уж всегда.
Образ мыслей возвышен!
И не было, помню, у нас
Ни вот этих залысин,
Ни этих морщинок у глаз.

Молодыми бывали.
Мы шли тогда медля, как вброд,
Замышляли не дале
Как только на сутки вперед.
Обрывали: «Короче!»
«Довольно!» — кричали, дерзя.
Била жизнь прямо в очи,
А было напиться нельзя.

Молодыми бывали.
Любовь бы найти, это да!
Остальное детали!
Все мелочи. Так, ерунда!
Только бы за раззяву
Не приняли нас! Осерчась,
Мы хотели бы славу.
Да нет же, не завтра. Сейчас!

Молодыми бывали.
Плевали на вкус и на такт.
У соседа сдували,
Прикрывшись ладонью, диктант.
Заводили пластинку,
Подруг приглашали на вальс,
Подчиняясь инстинкту,
Глубоко живущему в нас.

Молодыми бывали.
Вертелись на кольцах в пустом
Тренировочном зале
И прыгать умели с шестом.
С пылом бычьим и дюжим
Мы шкаф выносили, сопя,
Гоготали под душем
И хлопали смачно себя.
Молодыми бывали.
Мы жили семьею одной
И на лесоповале,
На торфе, и на посевной.
Все, что связано с риском,
Любили. Хоть не без труда
В снаряженье туристском
Мы лезли черт знает куда!

Молодыми бывали.
И сами не знали о том!
Понимали едва ли,
Что учим, читаем, поем.
Выступали неловко,
Не прямо подчас, а в обход...
Шла как надо перловка
В столовой студенческой в ход.

Молодыми бывали.
Скребли, провинившись, полы!

В саже, в поте и в сале
Мы терли на кухне котлы.
Танцплощадка стонала.
Входили — и общий поклон!
За четыре квартала
Бил в ноздри одеколон.

Молодыми бывали.
Весь день, не щадя живота,
Мы в футбол забивали,
Как дети, — в одни «ворота́».
Вкусно резали палки
В лесу перочинным ножом,
Составляли шпаргалки,
Слюнявили карандашом.

Молодыми бывали.
Ходили в кино «Орион».
И билеты сбывали
Втридорога на стадион.
Мы еще ведь не старцы!
Подумаешь — время! Дела!
Только юность сквозь пальцы,
Как будто песок, протекла.

Молодыми бывали.
А в том, что, мол, время течет,
Мы в те годы едва ли
Себе отдавали отчет.
С фамильярностью людям
Мы клали ладонь на плечо.

...Молодыми мы будем,
Я думаю, в жизни еще!..

Молодыми бывали.
И, ворот раскрыв средь зимы,

Только, может быть, в дали
В то время и верили мы.
На морозе, как в дыме,
Мы шли, расстегнувши пальто.

Были ведь молодыми
Когда-то и мы... Ну и что?

* * *

С детских лет и мне завет завещан
скромности. Его я берегу...
Но я видел раздеванье женщин
на пустом рассветном берегу.

Над рекой заря, белея, стыла.
Маленький кустарничек. Плоты...
Предо мной тогда предстала сила
женской откровенной наготы.

И на миг вдруг все оцепенело:
оказались вдруг тогда слиты
белизна немыслимая тела
с белизной надречной чистоты.

* * *

Где вы, женщины,
                    о которых
Я вздыхал? Я сходил с ума!..
В перелесках, на косогорах
Одиноки ваши дома.

...Рукавицы сушил над плитою.
Замирая, голодный, ел.
Грозной женскою теплотою
От тщедушных веяло тел.

До околиц меня с опаской
В темень выведут. Слезы утрут.
Забываю о вас я...
                    Ряской
Так затягивается пруд.

* * *

Что б ни было, но ценим все же
мы женщин. И за те года,
когда вдруг холодок по коже
бежал при встрече иногда.

За каплю слабого участья
в минуту страшную беды.
За тот браслетик вкруг запястья.
За поданный стакан воды.

...Под утро, дыбясь волосами,
сидели, пряди теребя.

За то, что все не могут сами
они понять самих себя.

ИМЯ

Я имена знакомых позабыл,
как будто бы спустился в преисподню!..
Вот только что один какой-то был.
Как звать его?..
Убей, господь, не помню!
Но что за дело! Мало ли забот!
Я имя повторю одно у края!..
Но и оно ведь навсегда умрет,
в сознанье постепенно угасая...

* * *

Тропа терпения
терниста,
что предназначена
с высот!..
...Нелегкий подвиг
материнства
она,
откинувшись,
несет.

Ее телок,
ее орленок
во чреве сумрачном
пока...
...О злой, как щелочь,
дух пеленок!
О теплый
привкус
молока!..

На личике
ночные пятна...
...И, вытесняя мир,
плывет
напористый
и многократно
ее раздавшийся живот.

* * *

Лишь только будешь ты пробит
Смертельной мыслью, точно пулей,
То сразу ж возвращайся в быт,
Где пар витает над кастрюлей.

Ты сразу отступи назад,
Туда, где в поднебесной сини
Сырые простыни висят,
Победу торжествуя ныне.

И скажешь, сев в конце стола,
Смотря, как дочь морковку крошит:
«Опасной вылазка была!
Да как-то обошлось, быть может...»

СЛУЧАЙ

Торгует женщина случайными вещами,
Протертый плащ она б хотела сбыть...
Она глядит прекрасными очами,
Которые нельзя не полюбить!

Вокруг галдеж! Шумят необычайно.
Пятно скоблят. Сукно глядят на свет.
Что говорить, на свете все случайно,
Не случаем ли сам явился ты на свет?

Прожженное пальто. А вот пиджак линючий.
Примерить бы его, а свой бы, право, снять.
Попробуй подойди! Не тот ли это случай?
Кто может что-нибудь на этом свете знать?

Рим

СТОН

Женщина протяжно застонала
Где-то там, за тонкою стеной...
Что бы это вправду означало?
Может, сон приснился ей дурной?

Или, может, в ней играет сила,
И, в изнеможенье и в борьбе,
В кровь губу от счастья закусила,
Притянув любимого к себе?

Иль сейчас она лежит больная,
И, моля в отчаянье судьбу,
Он не спит, прическу наклоняя,
Держит руку на горячем лбу?..

* * *

Ты надулась опять сегодня,
Как обычно это бывает,
Если я прихожу позднее,
Чем тому положено быть.
Ты сердито гремишь на кухне,
И стремительно хлопают дверцы
У того невысокого шкафа,
Где лежит в корзиночке хлеб.

И тогда я пальто надеваю
И спускаюсь по лестнице снова,
Чтоб, пройдясь под парящим снегом,
Наконец-то обдумать себя.
Неужели я тот же самый,
Что в пять лет сообщил тщеславно
Во дворе, что всего Карла Маркса
Я уже давно прочитал?
И неужто я тот подросток,
Что, смывая кровь после драки —
Был один я, а их было восемь! —
Понял вдруг, как реален мир?..

ФРОНТОВЫЕ АМУРЫ

Вскинь классический лук и сквозь щель
амбразуры
Жертву высмотри и порази!..
Вы порхали легко, фронтовые амуры,
Ваши крылья в крови и грязи.
Ваши стрелы — они беспощадны и метки.
В блиндаже что б поделать смогла
Санитарочка — только что из десятилетки, —
Если в сердце попала стрела?
Вы летали свободно, босые ребята,
Не боясь под бомбежку попасть,
Чтобы в рыжих глазах диковатых комбата
Загорелась тяжелая страсть.
Чтоб текло бы под пальцами девичье тело
Да лохматой овчины пола...

Только перышко, колыхаясь, летело,
Мягко выпавшее из крыла.
Воют жены, хрипя, без мужей, без известий,
Трупы кровью набрякли во рву,
Но игрива улыбка кудрявеньких бестий,
Напрягающих тетиву.

* * *

Что там ни говори, а мне дороже,
И все милее с каждым годом мне
И ритм деревьев, зябнущих от дрожи,
И ритм капели на моем окне...

И оттого, что сущность мира скрытна
И до сих пор темна еще она,
Нам истина того простого ритма
Как истина последняя дана.

СТИХИЯ

Я фото видел в иностранном журнале:
Потоком разрушенные мосты...
Стихия! А в средних веках не она ли —
Средь неба вдруг огненные кресты?!
И голос ее, сокровенный и древний,
Пугал обмирающие моря.
И падали дружно в степи всей деревней,
Стихию о милостивости моля.
Но ни справедливости и ни пощады
Не знает она. Мановенье руки —
И домики, трогательны и дощаты,
Смывает, как спичечные коробки.
Приходит стремительная и слепая!
И праведник в ней погружался — до глаз.
И рот открывает он, утопая,
Чтоб плюнуть в лицо ей в последний раз...
В секунду настигнут смертельною лавой,
Спит город. Из кратера медленный дым!
И вот победитель, увенчанный славой,
И раб накрываются пеплом одним.
И гнутся уныло простертые рощи,
Корнями над пропастями вися...
Кто устоит против натиска мощи,
Уничтожающей всё и вся?..
...И я слышу голос остудный стихии.
Бьет в стекла! В осоку забрались чирки...
И что ж! Ты уж ноженьки греешь сухие.
И мокрые виснут на стуле чулки.

ЖИЗНЬ

Человек пошел один по свету..
Поднял ворот. Запахнул полу.
Прикурил, сутулясь, сигарету,
Став спиною к ветру, на углу,
Плюнул в речку дымную с помоста,
Не спеша, лениво, не со зла.
Ничего и не случилось, просто
Наконец почувствовал: прошла...

ЖЕНЩИНА

Весна. Мне пятнадцать лет. Я пишу стихи.
Я собираюсь ехать в Сокольники,
Чтобы бродить с записной книжкой
По сырым тропинкам.

Я выхожу из парадного.
Кирпичный колодец двора.
Я поднимаю глаза: там, вдалеке, в проруби,
Мерцает, как вода, голубая бесконечность.
Но я вижу и другое.
В каждом окне я вижу женские ноги.
Моют окна. Идет весенняя стирка и мойка...
Веселые поломойни! Они, как греческие празднества,
В пору сбора винограда!
Оголяются руки. Зашпиливаются узлом волосы.
Подтыкаются подолы. Сверкают локти и колени.

Я думаю о тайне кривой линии.
Кривая женской фигуры!
Почему перехватывает дыхание?
О чудовищное лекало человеческого тела!
Я опускаю глаза. Хочу пройти через двор.
Он весь увешан женским бельем на веревках.
Это — огромная выставка интима. Музей исподнего...
Гигантская профанация женственности.
Здесь торжествуют два цвета: голубое и розовое.

В чудовищном своем бесстыдном разгуле плоть
Подняла эти два цвета, как знамя,
Коварно похитив их у наивности...

Я пытаюсь все-таки прорваться на улицу,
Увернувшись от наволочки.
Я ныряю под ночную сорочку,
Я выныриваю так, что шелковые,
Чуть влажноватые чулки
Проволакиваются по моему лицу.
Я поднимаю глаза. Там, вдалеке, в проруби,
Как вода, мерцает голубая бесконечность.
Я облегченно вздыхаю...

Но вижу, что и там проплывает облако,
Округлое,
Как женщина.

ДВЕРЬ ОТКРОЮ

И себя даже не ругаю.
Что тут будешь делать? Я таков!..

Медленно глазами пробегаю
По заглавьям книжным у ларьков.

Долго разминаю сигарету.
У кино пройдусь. Пора бы спать.
Мы с тобой когда видались? В среду?
Больше не увидимся опять.

Знаю, жизнь уж больше не одарит
Ни любимою и ни женой...

Дверь открою — запах в нос ударит
Комнаты пустой и нежилой.

БОЛЬ

Когда раздроблена нога,
То, локти ободрав, из бою
Он уползает от врага,
Влача обрубок за собою...

...Боль всюду и всегда с людьми.
Но все же ты иди по свету,
Лишь зубы поплотней сожми,
Когда уже терпенья нету!

Пред жизнью только трус дрожит —
Не надобно бояться боли...
Трагическая тень лежит
Под каждою травинкой в поле.

ПОЕДИНОК

Поэт и женщина — два разных существа.
Их смертный поединок вечен, право!
Он вдохновенен, а она мертва;
Он простодушен, а она лукава.
Он мечет гром и молнии!
                                        Она
Над ним хохочет...
                                Но нельзя водою
Разлить или разъять, как два звена,
Их, связанных навек судьбой одною...

* * *

Широко глаза расставлены
И хитрят, хитрят слегка
Эти синие хрусталины
Из-под низкого платка...

Молодые и безгрешные
Очи ясности полны,
Мою душу отогревшие
Посреди большой войны.

В избах около Мукачева —
Издавна заведено —
Девки песни пели вкрадчиво,
И вилось веретено.

Песни были все неясные,
Непонятные для нас.

Розы белые и красные
Повторялись много раз...

* * *

Обложка иностранного журнала:
Вот женщина.
                    Она обнажена.
Она победно лавры пожинала
За красоту.
                    Мир потрясла она!
Она в чулках. А вот она на пляже.
У телефона. Как хохочет рот!
А это кто под душем?
                            О, она же!
Она в трико и вполуоборот.
Она в отеле. Вот она в постели.
Она пьет с другом...
                            Мир у женских ног.
Крадется в сердце ужас:
                                    неужели
Все это цель, конец, венец, итог?

* * *

Мне плохо: я ни разу не страдал,
К страданью я привычки не имею,
Не плакал. Не кричал. И не рыдал.
А вдруг беда?
Ну как я встречусь с нею?
Как выдержу ее? Как справлюсь с ней?
Спокойно все пока. Пока все мило.
Но сердце ощущает все сильней
Трагическую подоснову мира.
И я чего-то напряженно жду.
Задумываюсь. Голову склоняю.
Во мне смятение: как встречу я беду?
Беду
как встречу я?
Не знаю...

Я ПОСЕТИЛ ТОТ ГОРОД

Я посетил тот город, где когда-то
Я женщину всем сердцем полюбил.
Она была безмерно виновата
Передо мной. Ее я не забыл.

Вот дом ее. Мне говорят подробно,
Как осенью минувшей умерла...
Она была и ласкова и злобна,
Она была и лжива и мила.

...Я не решаю сложную задачу,
Глубинные загадки бытия.
Я ничего не знаю. Просто плачу.
Где все понять мне?
Просто плачу я.

АКТРИСА

Гастрольная тернопольская труппа...
Он и она. Но муж ее догнал.
Удар ножа! Седой отец у трупа.
И занавес спускается. Финал.

...А в городке был май. И словно иней
Был лунный свет. Пылали облака.
И я шагал с воскресшей героиней
По улицам пустого городка.

Что ей, девчонке бешеной и шалой,
Что город спит, что поздняя пора?
Она б весь город подняла, пожалуй,
Петь и кричать желая до утра.

Она сирень ломала и дарила,
Раскидывала и рвала опять.
И, хохоча, с презреньем говорила:
— Зачем я воскресала?
Чтобы спать?..

ДВЕ ГРУЗЧИЦЫ

Две грузчицы уселись в перерыв.
Глядят друг в друга, упершись локтями,
Консервов банку не спеша открыв,
Батон нарезав толстыми ломтями.
Одна о чем-то быстро говорит,
Другая важно задает вопросы.
Вдруг первая заплакала навзрыд,
Ушанкой снятой растирая слезы.
Где там обед! Батон и не почат!
...Мешки несут. Гудят автомобили...
Две грузчицы, задумавшись, молчат.
Щеку подперли. Обо всем забыли...

* * *

Та женщина костлявая была.
По правде говоря, одна лишь слава,
Что женщина! Как два прямых угла
Торчали плечи, — так была костлява.

Висело платье длинное, как сеть,
А брошки были будто бы грузила.
Она игриво принималась петь.
Мне пальчиком суставчатым грозила.

А волосы как будто на клею!
Но между тем с ужимкой светской львицы
Лукаво клала голову свою,
Как будто бы на доски, на ключицы.

Была бы страшной и улыбка та,
И пальчик тот в игривой укоризне,
Когда б не глаз зеленых доброта, —
Все, что осталось от прожитой жизни.

* * *

На окнах светомаскировка.
Во тьму был город погружен.
Немалая нужна сноровка,
Чтобы пройти в чужой район.
Но я ходил.
Мы с ней встречались
На лавке в глубине двора.
Над нашей головой качались
Зеленые прожектора.
Вдвоем мы с ней рядком сидели,
Бок о бок, молча до утра
И, головы задрав, глядели
На длинные прожектора.
За легкой их следили пляской...
Напрасно за ночь много раз
Дежурный в каске и с повязкой
Домой прогнать пытался нас.
Ну что ж, что слышались раскаты,
Что пули прошивали мрак?..

Мы разве были виноваты,
Что юность начиналась так?

* * *

На вешалке в передней шубка кунья,
И в комнате, в нелегкой духоте,
Та женщина — тряпичница и лгунья —
Сидит, поджавши ноги, на тахте.

В окне рассвет идет на смену мраку.
Там голубю привольное житье...
Она сейчас должна поднять в атаку
Все обаянье юное свое.

На блузке брошь с тяжелою оправой,
И пальцы молодые холодны...
Зачем такой,
никчемной и неправой,
Глаза такие гордые даны?

За окнами, покинув горстку проса,
Уходит голубь в купол голубой...
Из века в век поэзия и проза
Смертельный бой ведут между собой.

* * *

Женщине с красивыми зубами
Все кажется смешным...

Мы не говорили о женщинах.
По вечерам, когда всходила луна,
Мы вспоминали о том, кто как ел дома.

Наше училище было
В том же городе,
Где я несколько месяцев назад
В школе сидел за партой,
В десятом классе.
Старшина, татарин Ахмеджанов,
Раз в десять дней
Строил нас перед фронтоном казармы
И вел в гарнизонную баню.
Под мышкой мы держали
Скатанное нательное белье.
На центральной улице города
Было много гуляющих.
Их взгляды действовали на нас
Как сильный, возбуждающий напиток.
В нас вдруг начинали брезжить далекие
Гражданские воспоминания.
Мы молодцевато приосанивались
И с ожесточением вбивали шаги в мостовую.
В груди начинало петь.

Однажды был какой-то
Особенный вечер.
Город потонул в теплой
Розовой дымке.
Я, как обычно, шел
В последней шеренге.
И вдруг на повороте,
У белого зданья городского театра,
Когда ликованье в наших сердцах
Достигало предела,
Я вдруг почувствовал,
Что развязалась обмотка.
Она спадала широкими баранками
С худой ноги.
Я отстал от строя,
Вступив в единоборство
С грязной и бесконечной лентой.
Шинель, доставшаяся мне, как видно, с великана,
Встала на спине горбом.
И вдруг я услышал смех.
Я обернулся и увидел рядом с собой на тротуаре
Ту, которую я любил
И которой я когда-то нравился,
Но о которой позабыл
За событиями последних месяцев.
Она стояла с двумя щеголеватыми молодыми людьми
В белых воротниках, выпущенных на пиджаки...
Она смеялась.
Она смеялась, сверкая красивыми зубами,
Она хохотала до слез,

* * *

Красавица!..
И вот, обалдевая,
Застыли мы, открыв в смятенье рот...
— Смотрите, вон красавица!
Живая
Красавица! Вон — не спеша идет.

О женской красоты великая загадка!
Кто тайный смысл твой до конца познал?
Ну вот она:
зачесанные гладко
За уши волосы
да личика овал, —
И мы уже молчим, благоговея,
Молчим, от потрясения немы,
Следим глазами:
вот она правее —
И мы правей, она левей — и мы...

СИБИРСКИЕ ВАГОНЫ-РЕСТОРАНЫ

Сибирские вагоны-рестораны —
На тыщи верст рассчитанный уют!..
Здесь за графином раздирают раны
Сердечные,
 бранятся и поют.
Актер бровастый едет на гастроли,
Моряк спешит из отпуска назад.
За долгий путь сдружившись поневоле,
Сидят, касаясь лбами, взгляд во взгляд.
И все, что за полжизни наболело,
Все, что таили где-то в глубине,
В сердцах друг другу поверяют смело
Среди народа, как наедине.
Всю жизнь свою — женитьбы и разводы,
Печальные ошибки прежних дней.
...Потребность человеческой природы
В признаниях —
 стыдливости сильней!
О, сколько тут новелл,
 если порыться!
Как вспомнить их и не сойти с ума!
Друзья бормочут, и бежит по лицам
То свет, то тьма, то свет, то снова тьма.
Когда бы это все они забыли,
Как был бы их удел нелегкий прост...

А за окном безлюдие Сибири,
Полночная тайга на тыщи верст.

* * *

Хочет женщина быть красивой,
С гордо поднятой головой,
Хохотуньей, а не плаксивой,
Быть любимой, а не вдовой.

Чтобы к перстню шло ожерелье,
Чтобы нравиться без труда...
Только в жизни так, к сожаленью,
Получается не всегда.

И бывает, что вместо бала,
Дерзких взоров и алых щек
Дождь стучится да вполнакала
Тлеет слабенький ночничок...

Громких подвигов не содея,
В жертву отданная мелочам,
Одиноко живет, седея,
Шорох слушая по ночам.

* * *

Нет, эти босиком не выбегали
К любимому в морозы на крыльцо
И серной кислотой не выжигали
Соперницы проклятое лицо.
В них пыл не тот,

У них спокойней норов.
Любовь не принимается всерьез.
Сдаются без особых разговоров
И утром просыпаются без слез.

И вспоминают молодость, старея:
Апрель. Луна. Холодный блеск реки.
За пазухой у них ладони грея,
Зевают их случайные дружки.

* * *

Если в поле, где-то в дальней дали,
Я от пули навзничь упаду,
Чтоб немедля милую позвали,
Попрошу я при смерти в бреду...

Встанет сад, пестреющий гвоздикой.
Дачный полдень. Детский небосвод.
Девочка в переднике и с книгой —
Первая любовь моя придет...

«Нет, — скажу, — у милой злее речи!
Дерзче взгляд. Платок сорви рукой! —
Волосы вдруг выльются на плечи
Жесткою свободною рекой».

Прошепчу: «Прощаю все, что было,
Что там помнить — минули года! —
Что ушла, забыла, разлюбила...
Дай с тобой простимся навсегда!»

МОРЕ

Я, море, полюбил тебя, быть может,
За то, что дна не ощущаешь ты,
За то, что беспокойство тебя гложет,
Но нет в тебе постыдной суеты!
Ты тяжкую повинность отбываешь:
Под звездной неподвижной вышиной
Как в колокол ты время отбиваешь,
Гоня волну на берег за волной.
...Глотнешь воды — какая горечь, право!
Но все же я тебя не прокляну,
Хоть ты сплошная едкая отрава
На сотни верст в длину и глубину.
А пресность что! И в ней немного прока!
Вода сквозь пальцы, словно в решето...
Я не дитя. Не все, что горько, — плохо,
Как и не все, что сладко, — хорошо!
Ведь это ты
моей любимой тело
В дни юности пятнадцать лет назад,
Одним рывком, легко в наряд одело,
Что был прозрачен и зеленоват.
...И пусть позднее ушла, пусть обманула.
Ее давно забыл я
навсегда...
Но не уйти мне от морского гула
И от счастливой сини никуда!

* * *

Я грущу.
Я измучен жаждой.
Я извелся, грустя, любя.
В каждой девочке, в женщине каждой,
В каждой что-то есть от тебя.

Я их, грустных, не в силах видеть,
Их смятенья,
их скорбных поз.
Их же так ведь легко обидеть,
Так легко огорчить до слез!

Сокровенным с тобой,
глубинным
Чем-то связаны все они,
Чем-то жалостным, голубиным,
Чем-то тайным тебе сродни.

Вот вчера одна торопилась,
Плача,
пуговицу теребя...
Сердце кровью мое облилось,
Как подумал я про тебя!

* * *

Она бывает там, где все вразброд.
Нет глуше, сокровенней, своенравней,
Чем музыка, что вдруг плеснула в борт
Иль поздней ночью громыхнула ставней.

И чую: бездны темные дрожат,
Как будто доски зыбкого настила.
И был мой рот нетерпеливо сжат,
И волосы куда-то относило.

И влажно били ветки по плечу.
Когда ж пустая синь на небосклоне,
Я, запрокинув голову, кричу:
— Пролей немного музыки в ладони!

* * *

Я не люблю названья по-латыни
Растений, что встречаются в пути.
Ученый для какой-нибудь полыни
Способен сотни терминов найти!

...Уехав из Москвы на две недели,
Люблю, чтоб, глазки детские подняв,
В глаза мне доверительно глядели
Какие-то цветочки из канав...
Как просто взять гвоздику, два-три мака
Да повилику — и букет готов!
Но я на том ловлю себя, однако,
Что я девчонкам не дарил цветов.

Смеющихся
                катал на лодке летом,
Озябнувших
                водил зимой в кино.
Явись я на свидание с букетом,
То было б старомодно и смешно.

А ведь ромашки — как снежинки были,
Гвоздики — словно алые кресты...
В душе девчонки, думаю, любили
Сильней всего, наверное, цветы.

ПОСМЕЙСЯ НАДО МНОЙ!

Посмейся надо мной! Скажи: какой чудак!..
Я буду говорить. Все выскажу к рассвету.
Я знать хочу: что бред! Что все это не так!
Что страх напрасен мой! Что ничего ведь нету!
Детали приведу. Тут факты, мол, одни!
Вот так-то, мол, и так. Все просто, мол, донельзя!
Я буду говорить. Ты уши вдруг заткни.
Скажи: какой дурак!..
И надо мной посмейся.

* * *

Она жена моя,
Нет, не невеста,
Она жена.
Она встает чуть свет.
Она в смятенье не находит места,
Когда меня с работы долго нет...

Шла девочка со мной
Когда-то, где-то
Беспечная.
Мы плыли по реке...
Пять лет уже ночами до рассвета
Моя жена спит на моей руке.

Она жена моя,
Нет, не подруга,
Она жена.
Рот молчаливо сжат.
Коль плохо мне, два черных полукруга,
Печальные, у глаз ее лежат.

Шла девочка со мной.
Пред нами лютой
Пылала полночь
Лунной красотой...

Мою жену с той девочкой не спутай.
Я девочки совсем не знаю той.

* * *

Мир облиняет. Выцветут все краски.
И будет чернота. И я готов
Бродить средь грубо проступившей кладки,
Рогож суровых и простых холстов.

Как будто бы раздели и разули!
Наряд боярский сброшен.
Средь пустот
И черных балок — там клочок лазури,
Там золотце последнее блеснет.

И буду я средь бедствия такого
Стоять один, в себе все истребя.
И вот последним вылиняет слово
«Любимая» — я так ведь звал тебя.

ДОБРОТА

Я все занесу на скрижали,
Железную точность храня, —
И то, как меня обижали,
И то, как жалели меня.

Обида, обида людская!
Забудешь одну без труда,
Другую, полжизни таская,
Не сможешь забыть никогда.

И все ж, как она б ни держалась,
Концу ее все-таки быть,
Но, острая, светлая жалость,
Тебя мне вовек не забыть.

Я зубы сжимал, чтоб, не плача,
Пройти среди белого дня.
Царила моя Неудача,
Несчастья терзали меня.

Сердечностью необычайной
Я был поражен на пиру,
За чаркой, в райпитовской чайной,
В картофельном сытном пару.

Сидел я, печальный, у края,
И, голову вбок наклоня,

Подолом глаза утирая,
Жалели старухи меня.

О русские веси и грады!
Прошел я немало путей
И высшей не знаю отрады,
Чем доброе слово людей.

Вставало над избами солнце,
Я видел: везде разлита —
Где с верхом, а где и на донце, -
В людские сердца доброта.

* * *

«Любовь, любовь!» — мне с детских лет твердили,
Как будто сговорившись заодно,
Трагедии, поэмы, водевили,
Симфонии, романы и кино.
И, рот открыв, интригою волнуем,
Я обмирал, и я слезу ронял
Пред первой встречей и пред поцелуем,
Обозначавшим радостный финал.
Но не в поэмах и не на подмостках, —
Лишь только в жизни сделал первый шаг
Я встретил ту любовь на перекрестках,
В каморках, общежитьях, блиндажах.

И я обескуражен был, не скрою:
Покинувши трагедий высоту,
Она предстала предо мной иною,
Нисколько не похожею на ту...

ДВА ЛИЦА

Мы встречались совсем немного.
Помню дом ее в центре Москвы.
Губы тонкие, недотрога!
Косы грузные вокруг головы.

Строгой-строгой была,
непреклонной,
Но прислушивалась к звонку
И о чуткий ледок оконный
Остужала тайком щеку...

Я звонил ей.
Под снегопадом
Мы ходили с ней на каток.
Мелким шагом я шел с ней рядом,
Чуть придерживая за локоток.

Как ярка голубая арена!
Разноцветные огоньки.
У скамейки, встав на колено,
Зашнуровывал ей коньки.

Кротко чистил ей мандарины,
И снежинки,
летя с небес,
Словно крошечные балерины,
Танцевали нам полонез...

Это первая,
а вторая
По-другому была горда.
Над снегами переднего края
Ржавой проволоки три ряда.

Поднималась звезда над снегами,
Над погибшим на днях полком...
Торопливо гремя сапогами,
Прибежала ко мне тайком.

И сама дивилась поступку,
И смеялась, попавшая в плен.
По-солдатски короткую юбку
Все дотягивала до колен.

Словно вспугнутые погоней,
Колотились наши сердца
От нашедших друг друга ладоней,
От нелегкого спирта-сырца.

Словом ласковым не называя,
Говорила мне грубо: «Мой!»
Укрывала нас ночь фронтовая,
Как шинелью, своею тьмой.

Фронтовых бездорожий буйность.
Над катком голубая пыльца...

Словно детство и словно юность —
Эти два молодые лица.

МУЗЫКА

Стихия музыки — могучая стихия,
Она чем непонятней, тем сильней.
Глаза мои, бездонные, сухие,
Слезами наполняются при ней.
Она и невидна, и невесома,
И мы ее в крови своей несем.
Мелодии всемирная истома,
Как соль в воде, растворена во всем.
Покинув помещенья нежилые,
Вселившись в дом высокий, как вокзал,
Все духи музыки — и добрые и злые —
Безумствуют,
переполняя зал.
Сурова нитка музыкальной пьесы —
Верблюд, идущий сквозь ушко иглы!
Все бесы музыки, все игровые бесы,
Играючи, хотят моей игры.
Есть в музыке бездумное начало,
Призыв к свободе от земных оков.
Она не зря лукаво обольщала
Людей на протяжении веков.
Вакханки в исступлении зверели,
В поля бежали, руки заломив,
Лишь только на отверстия свирели
Орфей клал пальцы, заводя мотив.
Но и сейчас, когда оркестр играет
Свою неимоверную игру,
Как нож с березы, он с людей сдирает
Рассудочности твердую кору.

СНЫ

Различных снов я видел в жизни много.
Мне были сны нелегкие даны.
В набат полнощный бьющая тревога
Огнем мои окрашивала сны.

И были кратки сны мои, как порох,
И были длинны, словно канитель.
Я видел сны такие, от которых
Я в ужасе садился на постель.

И я кричал во сне — меня будили.
Я засыпал и вновь кричал, больной,
А были сны, что, тихие, сходили,
Как на цветы роса нисходит в зной.

Веселый сон веселым сном сменялся,
Напоминая легкую игру.
Мне говорили: «Ты во сне смеялся!»
Я ж ничего не помнил поутру.

И женщину я видел: покрывало
Приподняла, улыбкою маня,
И руки я тянул, и уплывала
Та женщина навеки от меня.

Как карточки подмокшие туманны.
Как фильмы довоенные темны...
Я сны не осуждаю за обманы.
За что винить?
На то они и сны!

СВЕТ

Я дневника не вел. Я фактов не копил.
Я частность презирал, подробность ненавидел,
Огромный свет глаза мои слепил.
Я ничего вокруг себя не видел.
Но годы шли. И в дружеском кругу
Хочу я рассказать о дальней дали.
Но ничего я вспомнить не могу.
Ни черточки случайной, ни детали.
Хоть малость бы какую! Нет как нет!
Передо мною лишь одно, не боле —
Один лишь белый тот, слепящий свет,
Глаза, как бритва, режущий до боли.

МИГ

Секунда радости. Беспечности мгновенье.
Вдруг выпавший просвет. Всего лишь миг! Пока.
Достаточно рывка — одно лишь дуновенье, —
И тотчас же сомкнутся облака.

Миг безмятежности. Момент. Прорыв куда-то.
В безмерность. В синеву. Головоломный взлет.
Все будни без конца — вдруг праздничная дата!
Как зайчик на стене! Иль как на гребне плот!

И я увидел мир в ином масштабе.
О как я ликовал! Секунду лишь одну.
Как будто предо мной вдруг расступились хляби
И быстро я прошел — вмиг! —
по морскому дну.

УДИВЛЕНИЕ

Как благодатно удивление! Как оно безумно!
Как оно благотворно! Как прекрасен
удивляющийся человек, хотя несколько и нелеп.
Удивление патетично. Это большое и сложное искусство.
Не каждому оно дано.
Способность удивляться — это дар. Не каждый достоин его. Оно — героично.
Что может быть на свете лучше, чем быть удивленным?
Сколько пользы можно добыть из ее великой бесцельности!
Оно в то же время и могуче: оно потрясает, как электрический разряд.
Оно обильно, как тропический ливень. Прихотливо, как ручей.
Сколько нужно наивности для того,
чтоб извлечь из удивления всю его бесконечную мудрость?
Оно в каком-то смысле и трагично — оно беззащитно.
Есть недруги удивления. У них в глазах мертвая роговица.
Они подстерегают удивление, чтобы настигнуть
и тут же на месте убить его. Бойтесь их!..
Есть иерархия удивлений!
Кто знает, может, мы живем для некоего Великого Удивления?

Я удивляюсь — значит, я жив.
Слава богу, нет, слава богу, что я еще способен удивляться!
Я не раз удивлялся в жизни. Как я удивлялся!
Я помню каждое свое удивление!
Ни одно из них непохоже на другое.
О мои удивления! Вы бескорыстны!
Я копил вас, как скряга. Я собирал вас, я дрожал над вами.
Я ведь чувствовал, что когда-нибудь, раздавив ваши тяжелые и обильные грозди,
я добуду из них немного поэзии.

* * *

Боюсь гостиниц. Ужасом объят
При мысли, что когда-нибудь мне снова
Втянуть в себя придется тонкий яд
Ковров линялых нумера пустого.
Боюсь гостиниц. Это неспроста.
Здесь холодом от окон веет люто.
Здесь лампа. Здесь гардины. Здесь тахта.
Иллюзия семейного уюта.
Боюсь гостиниц. Может, потому,
Что чувствую, что в номере когда-то
Остаться мне случится одному.
Навеки. В самом деле. Без возврата.

ТАНЕЦ ЖИВОТА

В Восточной Азии скитаясь,
В глубине одной из дальних стран
В хижину вошли мы,
где китаец
Содержал дешевый ресторан.
И, закрывши дверь того лишь ради,
Чтобы не налезла «вшивота»,
Для туристов важных на эстраде
Объявили танец живота.
Мы тихи сидели, одиноки
В недрах непонятной стороны:
Оказалось, что для
танцев ноги
Так же, как и руки, не нужны!
Оказалось:
нужно лишь кресало̀
И кремень для высечки огня...
И собранье слабых мышц плясало,
Мучая и радуя меня.

Бомбей

ПЕРВАЯ ФРАЗА

Если первая фраза тебя потрясла
В странной книге, открытой напропалую,
Не спеши. Поднимись. Отойди от стола.
Не читай опрометчиво фразу вторую.
Не читай. И поднимется образов рой,
Вздрогнет сердце, а ведь не дрожало ни разу!..
Неизвестно еще, что во фразе второй!
Пронеси же сквозь жизнь эту первую фразу.

* * *

Я слово вдохновенье не отдам...
Пусть ретроградом прослыву за это.
Его прочел я в детстве по складам
В помятой книге древнего поэта.
...Пророк в сердцах, как искру, выкресал
Из камня воду... Кутаясь в овчину,
Вздымал он руки к небу. Сотрясал
Припадок вдохновения мужчину.
Быть вдохновенным — то мужской удел.
Не выйдет прорицателя из труса.
Одним рывком подняться за предел
Рассудочности, встать над
гранью вкуса!
Эй, смельчаки, а ну-ка кто из вас,
О всем забыв — о собственной особе! —
Так воспарит — и слезы чтоб из глаз,
И чтоб, как током, затрясло в ознобе?!
...Мне не дана рассудочности власть,
Сквозь жизнь мою меня несет кривая,
И я хотел бы жить, и я хотел бы пасть,
Бездумные глаза на вечность поднимая.

* * *

Коренник от чрезмерной натуги заржал,
Грязью обдав подол подвернувшейся бабе...
Чужеземец с моноклем в предместье въезжал,
Утопая по спицы в российской хляби.
И куражился поп у кружала спьяна,
И в сугробе алели кровавые пятна...
И лежала пред тем чужеземцем страна,
Что на свете была никому не понятна!
И юродивый пел возле церкви внадсад,
Что витают кругом херувимы незримо,
Что Москва на земле — это ангельский сад,
И еще о величии третьего Рима.

НЕБО

Что может быть на свете проще,
Чем небо? Синь его чиста
В просветах облетевшей рощи,
В пролетах старого моста.
Его безмерные высоты
Пригодны разве для орлов!
В него смотрели звездочеты —
И шапки падали с голов.
Мучительны его загадки,
Века решать их суждено,
Хотя под водостоком в кадке
Лежит до вечера оно.
То самое, что нет бездонней
Что изучаемо людьми.
А ну-ка ковшиком ладоней
Его попробуй-ка возьми!

Потеря неба! В самом деле,
Она страшней других утрат!
Как жадно узник в цитадели
Ждет утром голубой квадрат.
Как чают неба в амбразуре!
Из дыма танк рванет — и вот
Полоска узкая лазури,
Как будто бритва, полоснет.
Я знаю: нет дороже вещи,
Чем небо! Синь его кротка,

Но молнии его зловещи,
Как трещины вдоль потолка.
И кажется, что скоро, скоро
Оно вдруг рухнет, но пробел
Прорезался за кромкой бора,
И вот уж край заголубел.
Пускают в небо шарик дети.
В нем самолет теряет след.

...В отличье от всего на свете
Ему конца и вправду нет.

ПРИРОДА

Природа. И я не избег ее козней,
И я любил, идя вдоль межи,
Гробовые молчания осени поздней,
Весны безудержные кутежи.
Что может ее быть щедрей и краше?
Я равно ценю, различья познав,
И виктории-регии белые чаши,
И вас, незабудки, дети канав!
Природа. Я рвал ее путы и скрепы,
Я к солнцу руки тянул из норы...
Водопады и тигры ее — свирепы,
Травы и овцы ее — добры.
Я с детства пред ней благоговею...
Она была чахленьким деревцом,
За мусорной свалкой я встретился с нею,
В колодце двора, к лицу лицом.
Позже я плыл на плотах по Каме...
На тысячи верст безлюдье храня,
Лесами и царствующими облаками
Она окружала в те дни меня.
Я помню юг.
　　　　　　За пологим мысом
Дрожала пена — морей молоко.
В небе, разрубленная кипарисом,
Луна, поднявшаяся высоко...
Природа.
　　　　　Она стучит родниками.

Тронь дно — и заноет кисть руки.
Под молчаливыми ледниками
Она погребает материки.
О ней не случайно сказано было:
Гони ее в двери — влезет в окно.
Весною асфальт не она ли пробила
Травинкой, высосавшей зерно?
...Все живущее на два пола
Она разделила. Не спорить же с ней!
И нету резче, быть может, раскола,
Идущего от изначала дней.
Непреступаемая граница!
Как двум полюсам, как двум врагам,
Сливаясь вечно, все же не слиться
Этим двум берегам.
И вот содрогается мир от пенья.
Выпаливая радость, страсть и тоску,
Разряженный в самые лучшие перья,
Токует тетерев на суку.
...Я летел на Ли-2. С высоты полета
Видел сквозь облачный рваный дым:
Ничтожным пятном расплывалась природа —
Зеленое, смешанное с голубым.
Но как бы ни были мы высоко,
Мы вздрогнем, лишь только она позовет, —
В самих нас брожение жаркого сока,
В нас жажда жизни ее живет.
...Ждет меня —
верю сильней год от году —
Совсем не смерть, а конец иной.
Я, как в воду, войду в природу,
И она сомкнется надо мной.

* * *

Вечер в город весенний явился опять
С открытыми окнами, с патефонными вальсами.
Наигравшиеся дети улеглись спать,
Укрывшись байковыми одеяльцами.

Смешалось, спуталось — не разберешь,
Где звезды, где окна, где клены, где зданья!
Очкастые студенты спешат без калош
Мокрыми улицами на свиданья.

Мне спать еще рано, да при такой луне,
В вечер такой, взбудораженный кленами,
Разве уснешь? Что же делать мне,
Взрослому и невлюбленному?

ЛУНА

Луна случайна в городском пейзаже,
Где фонари, где зданья, где авто.
Когда б она исчезла,
То пропажи,
Наверно, не заметил бы никто.

Зато в лугах она встает, большая,
Зеленая,
Над сочною травой,
Все ямы и канавы заполняя
Своей холодной влагой неживой.
Еще не раз любимой на колени
Я голову покойно положу.
Грызя травинку, в предрассветной лени
В распахнутое небо погляжу.

Туда, туда, где, вечная, над нами,
Чужим огнем скупым озарена,
С ущельями, с провалами, с горами
Возвышенная плавает луна.

СОВЕСТЬ

Можно жить безмятежно, условясь
Зло считать для удобства добром,
Но что делать тому, чья совесть
Все нежданно поставит ребром?
Что тут делать, когда в человеке
О приходе своем возвестит,
Пусть случайно, пусть в кои-то веки,
Словно трубы архангелов, стыд?
Стыд людской — бог жестокий, старинный!
Через рощи, скрывая кинжал,
Он в одеждах безумных Эриний
За мятущейся жертвой бежал.
И хоть годы летели, он все же
Человека врасплох настигал —
Среди битвы, с любимой на ложе,
На пиру поднимавшим бокал.
Я не ведаю большего чуда!
Совесть наша доныне темна.
Я не знаю, откуда, откуда
В человеке возникла она.
Совесть — миру навеки награда.
Вечно жить ей — глуши не глуши.
Удивляться не низости надо,
А безмерным высотам души!

* * *

Нам имена их вспомнятся едва ли...
Обняв девчонок, мы в полночный час
Истории такие заливали,
Каких нам и не выдумать сейчас!

Луна, теплынь, никто нас не торопит.
Молокососы и говоруны,
Мы рассуждали, что имеем опыт,
Что в хитростях любви умудрены.

И нас любили, но любовь простая
Тех девочек
совсем не шла в расчет.
Смеялись мы, надменные, считая:
Любовь еще бессмертная придет!

Шли годы.
Мы немало повидали.
Нам горько, что в оставшихся вдали,
В тех девочках тогда не угадали
Того, чего мы так и не нашли.

КОГДА НЕ РАСКРЫВАЕТСЯ ПАРАШЮТ

Коль дергаешь ты за кольцо запасное
И не раскрывается парашют,
А там, под тобою, безбрежье лесное —
И ясно уже, что тебя не спасут,

И не за что больше уже зацепиться,
И нечего встретить уже по пути —
Раскинь свои руки покойно, как птица,
И, обхвативши просторы, лети.

И некуда пятиться, некогда спятить,
И выход один только, самый простой:
Стать в жизни впервые спокойным и падать
В обнимку с всемирною пустотой.

НЕУДАЧИ

Не надо говорить о своих неудачах.
Кому это интересно?
Когда их слишком много, это даже стыдно.

Сегодня удивительно неудачный день.
Видно, что-то случилось с машиной,
Отмеривающей неудачи.
Что-то сломалось.
Они посыпались на меня так, как не сыпались
никогда.
— Вам завернуть? — спрашивает меня продавщица.
— Да, — отвечаю я, — да. Пожалуйста.
Будьте добры! —
И горло мне что-то сдавливает.
Я выхожу на улицу. Осень.
«Вот уж, как говорится, не повезет
Так действительно не повезет! — думаю я. —
А все же надо бы кому-то рассказать.
Не жаловаться, нет!
А просто так, снять трубку и кому-то сказать:
«Знаете, а мне что-то все не везет.
Да, что-то все не везет и не везет.
Не везет, и только!
Просто — до смешного».
Осень.
Иду, отражаясь в мокрой мостовой
Каким-то коротконогим,

Опрокинутым головою вниз.
«Фу ты, черт, — думаю я, — вот, право...»
Батон под мышкой размок. Поднимаюсь по лестнице,
Открываю дверь английским ключом.
В моей комнате никого нет. Она холодная, пустая...

«Это осень, Таня.
Да, осень. И невезенье».

ОТКРОВЕННОСТЬ

Я откровенничал с друзьями,
Был полон мрака сеновал.
Смотря открытыми глазами
Во тьму,
я душу открывал.

Но как-то вышло так: с годами
Я доверительность забыл.
Как дом аршинными гвоздями,
Себя я наглухо забил.

Лишь за бутылкою «Столичной»
В интимном дружеском кругу
Подчас вопрос сугубо личный
Легко затронуть я могу.

Вину припомню вдруг иную —
Живу,
все в глубине тая.
Ведь откровенности взрывную
И злую силу знаю я!

Захочешь... И решишь: напрасно!
(Эмаль лишь скрипнет на зубах.)
Она же на земле опасна
Не менее, чем бензобак.

И все ж, хоть в жизни съел собаку,
Сказать хочу я:
                                  не крути
И не хитри — рвани рубаху
С веселым треском на груди!

И человечеству на милость
Вдруг сдайся:
                                  вот моя вина!
И чтобы исповедь дымилась,
Кровава и обнажена.

* * *

Мне писалось лучше в поездах —
В тамбуре набитой электрички.
В самых неожиданных местах
В силу вкоренившейся привычки.
В час, когда купать детей зовут.
Иль в аптеке покупаешь мыло.
В кассу стать бы надобно — а тут,
Смотришь, вдруг под вздохом защемило!
Мне писалось лучше у врача,
В миг, когда сидел я, раскрывая
Рот,
    рукою между тем ища
Карандаш в кармане...
                                        И живая
Та строка, что мне являлась там,
Где вовек не сыщутся чернила,
Из глубоких будней к высотам,
Как в горах тропинка,
                                        уводила.

НЕИЗВЕСТНОЕ

Когда на фронте я входил в село,
О нем, притихшем, ничего не зная,
О, как оно к себе меня влекло!..
Что там за огонек лукавый с края?

Я шел в густую темень словно вброд.
Не дрогнет ветка. И не скрипнет полоз.
Быть может, девушка мне отопрет
С распущенными косами по пояс?..
Неведомое! Что там впереди?
А огонек вдали лукавит где-то...

Рукою шаря, дверь во тьме найти.
Пригнуться... И ослепнуть вдруг от света.

Я, ЛЮДИ, С ВАМИ ЕЛ И ПИЛ

Я, люди, с вами ел и пил...
Я, единица, не был дробью!
И все же род людской лепил
Меня по своему подобью,
Чтоб я вставал во всей красе,
Подняв гранату перед дотом,
Чтоб я хихикал, как и все,
Перед скабрезным анекдотом.
Я в разговорах долгих вяз,
И если опустить детали,
Ведь вы меня одним из вас
По праву полному считали!
И на полу в товарняке
Меж лыж и плотницкой пилою
Дыханье ваше на щеке
Я чувствовал ночной порою.

Я, люди, с вами ел и пил...
Шел на дневальство, покалякав.
Могучий дух над Русью плыл
Казарм, госпиталей, бараков.
Мы сами все чуть что — содом!
Мы спорим, горячимся, ропщем.
А ведь другому не даем
Над мнением подняться общим!
И будто бы мне вменено
В обязанность: в тени горсада

Играл я с вами в домино,
Поддакивал, коль было надо.
О, как ваш переменчив нрав:
Лишь крик: «Ребята, неужели?!» —
Хрипя, бросались, растоптав.
Но миг — и вы уж пожалели.

Я, люди, с вами ел и пил...
Я не гнушался хлебом-солью,
Я тоже отдавал свой пыл
Бродяжьей песне и застолью.
Галдели мы у переправ.
Сходились для ночной облавы...
Ну что ж, я в чем-то был не прав.
Но в чем-то были вы не правы!
Бежали мы одним путем, —
В метро со злобою во взоре
Меня толкали вы локтем,
Я наступал вам на мозоли.
Я кашлял, я потел, я сип.
Нельзя быть вроде отдаленней!
Но вы передавали грипп
Сквозь вашу теплоту ладоней.

Я, люди, с вами ел и пил...
Спал под шинелькою одною
И одиночество купил
Неимоверною ценою!
Под тентом в глубине Москвы
Сидел я, пиво попивая,
Хоть кружку захватали вы,
Как ручку старого трамвая...
Я не был сладок, не был кисл.
Давался гладить по головке.
Как был противен здравый смысл
В заплесневелой поговорке!

Вне очереди влезть хотел.
Воды ждал в захрипевшем кране,
А дым от перегретых тел
Стоял до мокрых балок в бане.

Я, люди, с вами ел и пил...
Носил одежды «Москвошвея».
Стандартный галстучек купил.
До рези натиралась шея.
К чему отличия печать.
Вы, — люди правильного склада!
Вам дали право обучать:
«То делай! Этого не надо!»
Прислушиваясь к деревам,
Я ночью шел в лесу, далече...
О, как меня тянуло к вам,
Где щи, где пар, где ваши речи!
А ну попробуй не уважь!
Отец! Но вы бывали строже!..
Я был затерян среди вас.
Вы люди. Но и я ведь — тоже!

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

В усадьбе с колоннами — в центре поселка
Музей краеведения расположен...
Тут чучело цапли. А рядом двустволка
Тургенева. Ржавая сабля без ножен.
Какие-то кости и бляха: находки
В разрытых сарматских курганах. И видов
Различных густые сапожные щетки —
Их выпускает артель инвалидов.
Портрет: дама в локонах белых. По сини
Овальное личико. И опахало.
Когда-то играла на клавесине.
Гусара ждала из похода. Вздыхала!..
Стою посредине. Торчат мои уши.
И шея вытягивается. И к даме
Мое подымается сердце. И лужи,
От снега растаявшего, под пимами...
История, что же мне делать с тобою?
Вдоль шлемов, что цветом горят побежалым,
Вдоль стертых пищалей неслышной стопою,
Как кошка — побежкою, движусь по залам.
О чем говорят они, эти предметы?
Осколки кувшина. Лоскутное знамя...

Мы мчимся вперед, и — как хвост у кометы —
Прошедшее вытянулось за нами.

* * *

Как трудно оторваться от зеркал
В семнадцать лет! И служат зеркалами
Река Москва и озеро Байкал,
Браслетка и стекло в оконной раме.

С велосипедом парень. И как раз
С девчонкою наладилась беседа!
Она молчит. И все ж скосила глаз
На никель обода велосипеда.

И девушка-геолог попила,
Рюкзак огромный скинув, из болотца,
А все глядится... «Встань! Уже пора!..»
А все никак, никак не оторвется.

Наверное, в том все же что-то есть!
В трюмо себя счастливым взглядом смерьте!
Но где-то там за все готова месть:
Завешивают зеркало при смерти.

ТЕЛО

Помню, в некой иностранной
Кинодраме неспроста
Появилась вдруг из ванной
Голая кинозвезда.

И, стряхнуть не силясь воду —
Ей лавровый бы венок! —
Демонстрирует народу
Оголенность наглых ног.

Вопли богословских споров!
Тыщи лет: хула! Хула!..
С колоколен всех соборов
Дико бьют колокола.

В кружку падают динары.
Братия бредет, боса...
Тело хают кардиналы,
Руки вскинув в небеса!

Женское блистало тело
На постелях. Не в гробах...
То белело, то желтело
Через вырезы рубах.

Телу этому рожать бы!
Обнажается, дабы

Загореть во время жатвы
И во время молотьбы.

К сорока годам увянув,
У дородной попадьи
Тело прет из сарафанов,
Как опара из бадьи.

К открыванию Америк
Подготовлены юнцы.
А на теле от бретелек
Темно-красные рубцы.

Голая поет на нарах
Женщина во весь барак!..
В изумрудах и опалах
Плечи дамы на балах.

Вот у волейбольной сетки
Встала в трусиках с мячом,
И две оспинки-отметки
Между локтем и плечом.

При стечении округи,
При стечении большом
Пляшет баядера — руки
Вскидывает, голышом.

В женские тела, как в реки,
Входят. Но ведь, как богам,
Древние молились греки
Шеям, бюстам и бокам!

Здесь величью нет предела!
Глянь сквозь слезы, не дыша!

Разве же в изгибах тела
Не скрывается душа?

Все от пят до самых дланей
На холстах отражено...
Скотство низменных желаний
Все ж таки таит оно!

Обнаженное несмело,
Девок, теток, молодух
Предано проклятью тело!..
Вечно восхваляем дух.

Дух, тебя встречать «осанной»!
Плоть, тебе позор всегда!..

Почему ж идет из ванной
Нагло так кинозвезда?!

ЗРЕЛИЩА

Ты незаметно все-таки созреешь
Для постиженья острой новизны.
Ты ночью возвращаешься со зрелищ.
Ты будешь спать. Ты будешь видеть сны.

Я полагаю, нету балагана
Пестрей, чем жизнь. Я в памяти припас
Гром мотоциклов, пафос барабана,
Веселость масок и тоску гримас.

Я говорил: и если ты не робок
И если не боишься пестроты,
Иди вперед. Есть много в жизни тропок.
Иди по ним, и... только ахнешь ты!

Вот мы живем. Немножко что-то ноем:
Все, дескать, будни. Нету их мелей.
Вдруг зрелище: выносятся прибоем
Сверкающие чудища морей.

Доводит до безумья страсть иная.
Я зрелищ раздражающих алкал,
От гонок мотоциклов начиная
До комнаты кривлявшихся зеркал.

И зрелища передо мной плясали.
То яркость охр, то желтизна мастик!

И, как картошка жарится на сале,
Шел треск от фейерверков и шутих

И подползали зрелища, как звери,
И делали вокруг меня круги.
Глаза сверкали. Пасти розовели.
Приоткрывались медленно клыки.

А скоморохи выставляли рожи,
То хохот, то тоску изобразя.
Я наблюдал процессии — и строже,
И чопорней вообразить нельзя!

Чего-чего, а зрелищ было много!
Смешней, чем цирк, страшнее, чем расстрел.
В сообществе с людьми — не одиноко —
И я на эти зрелища смотрел.

Толпа, как тесто, — нет трудней замеса...
Взбегает в небо планер по жнивью.
Клубится литургия, стонет месса.
И в юбочках выходит «Айсревью».

Был стадион пестрее, чем саванна.
Плясал мулат, сняв шапокляк, в бистро.
Вот зрелище ночного котлована —
Все в огоньках гигантское нутро!

Как мы тогда во все глаза глазели.
Я так же изумлялся, как и все.
И я летел, кренясь, на карусели.
На чертовом кружился колесе.

Китайские на стенах ходят тени.
На ринге клоун прыгает — носат.

Миг — и балет классический на сцене
Спускается, как авиадесант!

И все казалось мало, мало, мало.
Я всасывал в глаза свои балет.
Тогда администрация взимала
Уж четвертную плату за билет.

Бежали кони группкой разномастной.
Мы, вымокшие, жались у перил.
И, словно тяжкой схватываем астмой,
Я воздух ртом в отчаянье ловил.

Нам что! А им, актерам, может статься,
Невмоготу. Так за верстой версту
Шла женщина дорогой трудной танца
В сверкающей тунике и в поту.

Мы ежились на зрелищах, как в душе.
Бежали к ним, как в поле, как в леса.
И зрелища нам раздирали души
И подымали дыбом волоса.

Но все-таки есть и дрянной народец,
Что ожидает, стоя вдалеке:
Когда ж сорвется вдруг канатоходец,
Когда ж пилот не выйдет из пике?

Но есть на свете зрелища за гранью,
Как говорится, и добра и зла.
Гремит киргизский праздник козлодранья,
И кровь толчками хлещет из козла.

Я верую в необозримый тезис,
Что этот мир был создан напоказ!

Я видел как-то, с самолета свесясь,
Извилистый, как будто мозг, Кавказ.

И, на глаза не надевая шоры,
Я жил. Входи! Давай — билет купи!
Мои глаза, как будто два обжоры,
Все смачно пожирали на пути.

Но фильм подчас закрутят в десять серий!
И мы почти уж падаем без чувств
При зрелище немыслимых мистерий,
Публичных таинств и святых кощунств.

Чуднее свадеб и ужасней боен.
Тянулся, как слепец к поводырю!..

Закинув руки, средь травы, спокоен,
Сейчас я в небо чистое смотрю.

* * *

Уменье забывать,
Ходить спокойно в гости.
Уменье забивать
Упорно в крышку гвозди.
Уменье засыпать, —
Как в пруд, в подушки падай!
Уменье засыпать
День прожитый лопатой.
Молчать наперекор
Параграфам опросным...
Уменье прочно кол
В грунт вколотить над прошлым.

ВРЕМЯ ХЛЕЩЕТ

Ты задумался. Или ты болен.
Или замер с котлетой у рта...
Время хлещет — вот так из пробоин
Хлещет в трюм что есть силы вода.
Ты балетом любуешься. Или
Спишь, укрыт одеялом по грудь...
Время хлещет, как будто забыли
В кухне кран до конца завернуть.

ПРЕДЕЛ

Пределен мир, но мне-то нет предела,
И потому я и пишу сонет,
Что вечности на этом свете нет.
Мне до нее нет никакого дела!

Но фраза вдруг вчера меня задела,
Что мир есть только скопище планет,
Бегущих вдаль... И встал я обалдело,
И ничего не смог сказать в ответ...

Так что же: я младенец, что у края
Над вечностью сейчас сидит играя?..
Соль вешних слез и сладость бытия!

Нет, истину я вновь свою открою:
Мир то, что я пощупать смог рукою...
Пределен мир — но беспределен я.

* * *

Я обожаю старые гравюры.
Особенно такие хороши,
Где прыгают мордатые амуры
Вокруг Психеи, то есть вкруг души.

Тут женщин полноватые фигуры;
В гирляндах лук подняли голыши...
Но это все ведь от литературы,
От полуправды и от полулжи.

Рассматриваю древние альбомы:
Сатиры, ведьмы, бесы, фавны, гномы.
Вот Вакх стоит, с вином фиал держа...

Как вымыслов на свете много разных!
Но истина в одном: что вся в соблазнах
Моя Психея, ласточка, душа.

* * *

Когда обрыдло все, на валидоле
Нельзя же жить, потея от обид...
Когда-нибудь ты стукнешься о быт,
Как о комод в нелепом коридоре.

Есть многое в людской беспутной доле...
Вон пред тобою мир вдали рябит:
Игарка, Барнаул и Бармамыт,
Все то, о чем и знать не знал дотоле.

И, как сквозь сито, мелочь всю просей:
Долги, обиды, крошечных друзей.
И мысль сверкнет опасная, как бритва:
Навеки прочь отсюда, из угла!
И даже писем не писать со зла,
Когда вокруг вдруг все тебе обрыдло.

* * *

Когда в юности надменной
Пытался я, решив рискнуть,
Враз надо всею над вселенной
Объятья слабые сомкнуть.
И надорвался я, чудила,

От сверхъестественных потуг:
Маня, как призрак, уходила
Моя вселенная из рук.

И загрустил я, оробело
И вяло голову клоня...
...А жизнь сверкала, и звенела,
И танцевала вкруг меня.

«ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО!..»

И я еще задумаюсь не раз,
Смотря во двор, там, где на жесть сарая,
На стены, на ноябрьскую грязь
Листва с деревьев сыплется сырая.

И я еще познаю без прикрас
Ту истину, что я стою у края,
Что я уж стар, что я уже погас,
Неспешно и упорно умирая.

Я б засыпал, пришедший к рубежу.
И деснами мне б в пору шамкать постно...

И все ж в стакан я влаги нацежу,
И я сверкну глазами и скажу:
«Еще не поздно! Нет! Еще не поздно!..»

ЭНДШПИЛЬ

Я презирал спокойствие и быт.
Я тер руками в чистом поле уши.
И до сих пор меня еще знобит,
Как только вспомню о прошедшей стуже.

Романтика всегда находит сбыт!
Ремень походный подтяни потуже.
Под стон снастей, под точный стук копыт
Я пролетал на море и на суше.

Но быт — он есть. Его убрать нельзя.
И жизнь твоя, летевшая дотоле,
Застопорит, по клеточкам ползя,
Как в той игре, когда уж нет ферзя,
А пешка лишь последняя на поле.

ФАНТАСМАГОРИЯ ОДЕЖДЫ

1

Кто не был мудрым прежде,
Тот сразу все поймет,
Ведь мира смысл в одежде —
Идем на праздник мод!
Скорей сюда!
                    Потешьте
Себя, детей, жену!..
На фестиваль, к одежде
Я тоже загляну.

Одежды разных наций.
Любой фасон и сорт.
От тонких комбинаций
До перетертых шорт.

Какой косматый свитер!
Размером для горилл.
Одел.
        Пошел.
                    Увидел.
И ясно — победил.
Что за ботфорты эти?
Тут нужен исполин!..
Глядят в испуге дети
На бабкин кринолин.

А вот уже и «мини»,
Они едва-едва...
Шлафрок,
чтобы в камине
Помешивать дрова.

На самом крае света
Продумано умно
Размашистое это
Смешное кимоно.

А вот цветные юбки,
Идет,
все — трын-трава!
Показывают зубки
С-под низа кружева...

Различная одежда!
Судьба сюда свела
Гостей из Будапешта,
Калькутты и Орла.

2

На тысячу вопросов
Ответ получишь здесь...

Эй, Диоген-философ,
На свет из бочки лезь!
Надень штаны на чресла,

Чтоб плоть твоя,
тоща,
Нахально так не лезла
Из черных дыр плаща...
Начисть штиблеты ваксой
До блеска.

А теперь
На череп свой шишкастый
Вот тот цилиндр примерь.
Но галстук надо туже
Затягивать. Смотри,
Философ,

Что снаружи?
Не то же ль, что внутри?
Не презирай одежды,
Она тебе не враг...
Эй ты, философ!
Где ж ты?
Вот он, отличный фрак!

3

На мир лишь только глянем!..
Как нас он удивил:
Он с переодеваньем
Какой-то водевиль.
А ведь король-то голый!
О смена королей!
Из всех фантасмагорий
Мир этот всех пестрей.
Ведь людям мало кожи,
Ведь кожа так нежна,
Одежда людям тоже
Не менее нужна.

Нельзя же без трусов ведь —
На этом мир стоит.
Она нужна,
как совесть,
Как сдержанность, как стыд.
Одежда —
наша слабость.
А смысл-то в ней велик!
Ведь только Homo Sapiens
Мы без штанов своих.
Попробуй только в бане
Определи на вид,
Кто за водою в кране
Там нагишом стоит.
Ведь в голом мало толка.
На мой, конечно, взгляд:
Раздетый —
это только
Так, полуфабрикат.
Да, таковы законы, —
Мы все играем роль:
Король,
что без короны,
Какой же он король?
Вот старец с банным тазом,
Покатость узких плеч,
А что его бы разом,
Да в горностай облечь?
А вот пузан. Да что же?
Навыкате белки.
Портфель бы черной кожи,
Да френч, да сапоги!
А этот горемыка —
Уже усох почти...
Его бы на полмига
Да в мантию судьи!

4

Что тайный смысл учений,
Что вера,
наконец,
Покуда облачений
Вдруг не наденет жрец?
Какая же монашка
Без черного платка?
А ленты и тельняшка
Создали моряка.
Мундира только ради,
Хоть шею и натер,
Игриво на параде
Блистает гренадер.

Но если ты опален,
Одет ты абы как...
В селе гуляет парень,
Рубаха в петухах!

Что он без кофты желтой?
Хоть пусть он и басист,
С надувшейся аортой
Угрюмый футурист...
Средь грязи, как собаке,
Смерть принять
не с руки:
И чистые рубахи
Готовят старики.

Нужна для танцев обувь.
Пойти вприсядку вдруг.
Встать,
избочась,
угробив

На сапоге каблук.
Не зря в мазурках пылких
Стучат в натертый пол
И туфельки на шпильках,
И плотный микропор.
Горят, горят румянцы,
Стоит повсюду гром...
Ну а какие ж танцы,
Когда ты босиком?
И в предвкушенье схватки,
Решая бранный спор,
Ведь ты же не на пятки
Наденешь пару шпор?

5

Задумаюсь, и сразу
Мне вдруг придет на ум
Китай,
          что по приказу
Одет в один костюм.
К тому распоряженье
Высокое дано,
Чтоб было выраженье
Лица у всех одно.
Ну что,
          не ясно разве
Тебе, что в мире сем
Уж раз однообразье,
То уж оно во всем?

6

Все афоризмы плоски,
Подобные тому:
Мол, «встретят по одежке,

Проводят по уму».
Я следую закону,
Но все ж мне правда — мать:
Зачем одно другому
Противопоставлять?
Все споры об одежде
Возьми и примири:
Ведь разве
то, что внешне,
Не то же ль, что внутри?
Снимай, снимай одежи.
Возможно,
как на грех,
Мир «луковица» все же,
А вовсе не «орех».
Хоть внещность, право слово,
У мира так пестра,
А вдруг-то никакого
В нем нет совсем ядра?

7

Нет, не был я любитель
Фасонить —
не пижон.
Носил линялый китель,
Помятый, без погон.
Но кремового тона
Отрезик все ж припас!
И тройку из бостона
Пошил я как-то раз.
Я рад был по-щенячьи.
И с этого-то дня
Вдруг девушки иначе
Взглянули на меня...
С наивностью упрямой

Я думал, боль глуша:
Но я ведь тот же самый! —
Позвольте!
А душа?!
Не всеми воспринялась
Та мысль,
что дело в том:
Костюм — это реальность.
А что душа?
Фантом!
Восторгов тех телячьих
Бьет гейзер через край.
Пощупать матерьяльчик,
Лишь только в руки дай!
Одежда вся наружу.
А там под нею?
Мрак!
О если бы за душу
Ценить умели так!
На зуб,
на вкус,
на ноготь
Да поглядеть на свет...
Чего нельзя потрогать,
Того как бы и нет!
И в этом положенье
Себя той мыслью тешь,
Что этот мир — смешенье
Одежд, одежд, одежд.
А если до предела
Идти по стежке сей:
Чем не одежда —
тело
Из мяса и костей?
Никто не смог покрова
Здесь в мире оборотъ.

Да что? И даже слово —
Одежда мысли, плоть.

8

Сдержать нельзя ведь дрожи
Без куртки и порток...
Но ведь одежда тоже
И фиговый листок!

И все-таки поди ж ты,
Есть у одежд враги:
Надменные нудисты,
Что наглы и наги.

Сочтя
по меньшей мере
Одетых за невежд,
Они поднять посмели
Против одежд мятеж.

В одежде разуверясь,
Живут средь наших дней.
Нудическая ересь
Всех ересей страшней.
Придумали житуху —
Гуляют без трусов!
На что подняли руку?!
Как звери средь лесов!

Бредет толпа нагая,
Зачем бредет?
Бог весть!
У голого какая
Там совесть или честь?!

9

Так что ж нам в той одежде?
Подумаешь,
тряпье!
Но ведь нельзя, хоть режьте,
На свете без нее.
И вне утилитарных
Соображений —
стыд
Немало смыслов тайных
Внутри себя хранит.
Быть связанным, замечу,
Ему века —
ей-ей! —
С познанием и смертью,
И с тайною людей.
Средь рая встало древо
Познания, и там
Нагая бродит Ева
И с ней нагой Адам.
Но вот настали сроки:
Вкус яблока во рту.
И люди словно боги! —
Прочь сразу ж наготу.
И не было бы боли,
Когда б не их вина.
Ведь со свободой воли
И смерть сопряжена.
То ль рады, то ль не рады,
Побрел Адам с женой...

10

Так где ж они, наряды?
Тут и пришел портной...
Тут начались сраженья!
Согнулся имярек:

Дрожит от напряженья
Портновский интеллект!
Вот тот фасон затаскан!
Тот шов немного кос.
Тут вырастает лацкан
В трагический вопрос!
Фестоны?
                    Неуклюжи!
Кружится голова:
Дать на подоле рюши?
Надставить рукава?
Не жмет?
Ногой подрыгай.
Нет, давит воротник...
...Бледнеем все пред дикой
Фантазией портных!

Да им бояться бед ли?
Видали,
            как, поя,
Обметывает петли
Веселая швея.

(С интимностью бретелек
Недаром связан пол,
Ведь эрос белошвеек
В историю вошел.)

Чтоб фалды не отвисли,
Не морщилась пола,
Портновской дерзкой мысли
Безмерная хвала.
И вдруг нашел,
                    потея, —
Ладони у висков!
Безумная идея
Двубортных пиджаков!

11

Что?
Не теснит движенья?
Нет, но покрой ненов...
...Есть новые теченья
Из области штанов?

То широки,
то узки...
Подчас бросает в дрожь!
То кофточки, то блузки,
То дудочки, то клеш.
Так до скончанья света,
Как белка в колесе:
— Уже не носят это!
— Такое носят все! —
Тебя резнет как бритвой...
Гляди,
испустишь дух
Меж Сциллой и Харибдой,
Меж этих криков двух.
В толпе мы не погрязли.
Иди своей тропой!
Страшнее нет боязни,
Чем слиться вдруг с толпой.
Нет,
дескать,
я имею
Свой угол, свой отсек...
Но ведь еще страшнее,
Коль вдруг отстал от всех!
И вот чтоб удивились
Все,
обомлев,
вокруг,

Безумно смелый вырез
Портной предъявит вдруг.
А то вдруг,
                    ликом светел,
Сойдет он к нам,
                              сынам,
И дерзко вместо петель
Крючки предложит нам.

Так надо, чтоб имелось
В характере его
И полководца смелость,
Размах и удальство.
Трудись,
                пока не спятил
С портняжеских затей!..
Портной,
                он как ваятель, —
Он создает людей.

Уставший от поклонов
И сам сморчок на вид,
Он лепит Аполлонов,
Ваяет Афродит.

И меж его ладоней
Мы все
                как пластилин.
Вот он, творец гармоний,
Пропорций властелин!
О сколько тут усилий!
Никто не скажет:
                              «Стоп!» —
Мир —
        перемена стилей,
Одежд калейдоскоп.

У каждого свой почерк...
Взгляни хотя б мельком,
Как по ночам закройщик
Работает мелком.
С величием героя
Обдумывает он
Стратегию покроя,
Подкладку и фасон.
И снова все и снова
Его ведет рука:
Кармана накладного
Проблема глубока!
Подобием зарницы
Сверкнет в мозгу:
«Ага!»
Гипотеза петлицы,
Идея обшлага.
И враз ты покрасивел,
Стал личностью вполне...
Одежда только символ
Того,
что в глубине.

Идея однодумов,
Что трудятся в тиши!..

История костюмов —
История души.

СОДЕРЖАНИЕ

Винокуров Е. М.

В49 Она. Стихи о любви. М., «Молодая гвардия», 1977.

192 с.

В книге Евгеиия Вииокурова «Оиа» — все лучшее из иаписаиного им о любви, о юиости лирического героя, которая совпала с годами Великой Отечествеииой войны. Стихи иа этические темы, философская лирика.

Р2

В $\frac{70402-034}{078(02)-77}$ 193—77

ИБ № 470

Евгений Михайлович Винокуров
ОНА

Редактор **М. Беляев**
Художннк **Л. Белов**
Художественный редактор **А. Романова**
Техническнй редактор **Е. Михалева**
Корректоры **Л. Матасова, Г. Василёва**

Сдано в набор 12/VIII 1976 г. Подпнсано к печатн 12/I 1977 г. А00551. Формат 70×108 1/32. Бумага № 1. Печ. л. 6 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 5,2. Тнраж 75 000 экз. Цена 53 коп. нз них 5000 экз. в переплете — цена 82 коп. Т. П. 1976 г., № 182. Заказ 1391.

Типография ордена Трудового Красного Знаменн нзд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес нзд-ва и тнпографин: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

53 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ